

18+

АНДРЕЙ СТАРОДУБЦЕВ

СМЕРТЬ В ОКЕАНЕ

ЧАСТЬ 1

Андрей Стародубцев

Смерть в океане. Часть 1

«Издательские решения»

Стародубцев А. В.

Смерть в океане. Часть 1 / А. В. Стародубцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-699672-4

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Элис Мюррей, дочь агентов Управления Национальной Разведки США, отказывается верить в официальную версию гибели родителей — слишком много в ней нестыковок. Она пускается в опасное расследование, погружаясь в клубок заговоров, погонь и тайн. Путешествия по миру — от руин древней Пальмиры до романтической Венеции, от острова Мафия до подземного города Шамбала в горах Тибета, из Китая в Москву и Санкт-Петербург, — все это ждёт читателя в романе, где мистические легенды переплетаются с реальностью.

ISBN 978-5-00-699672-4

© Стародубцев А. В.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Смерть в океане

Часть 1

Андрей Витальевич Стародубцев

© Андрей Витальевич Стародубцев, 2026

ISBN 978-5-0069-9672-4 (т. 1)

ISBN 978-5-0069-8441-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Мы живём в непредсказуемом мире, где каждая секунда порождает бесконечное множество вариантов событий. Конечно, многие из них — следствие наших собственных решений. Но существуют и иные, ниспосланные нам свыше, — те, чью причину не объяснить рационально. Они подобны испытаниям, проверяющим прочность духа, и дремлют, будто затаились на пожелтевших страницах судьбы, дожидаясь читателя, способного расслышать шёпот минувших дней. Эта история посвящена им.

Глава 1 Тень над Лэнгли: охота за «Звездой»

«Однажды шторм закончится, и ты не вспомнишь, как его пережил. Ты даже не будешь уверен в том, закончился ли он на самом деле. Но одна вещь бесспорна: когда ты выйдешь из шторма, ты никогда снова не станешь тем человеком, который вошёл в него. Потому что в этом и был весь его смысл», — Харуки Мураками.

Это утро выдалось обычным — таким же, как сотни других июньских дней. Солнце нехотя, начало просачиваться сквозь неплотно зашторенные окна, рисуя на стенах причудливые узоры света и тени. Город просыпался, наполняясь привычным гулом: звуками машин, перекликающимися с птичьим щебетом и едва уловимым шорохом листвы в скверах.

На улицах стали появляться первые прохожие: кто-то торопился на работу, на ходу поправляя галстук, кто-то не спеша выгуливал собаку, наслаждаясь утренней прохладой. День принес каждому свои события: некоторым неожиданное письмо, перевернувшее его жизнь, другие случайно встретили человека, с которым суждено было пройти долгий путь. А кто-то, сам того не осознавая, сделал шаг, запустивший цепочку событий, последствия которых ощутят многие. Каждый из них, встретив новый день, невольно стал частью истории. Истории, в которой каждому была уготована своя особенная роль — знали они об этом или нет.

Скажите, что в этом такого? На планете, где живёт больше восьми миллиардов человек — подобные истории случаются постоянно. И всё же... В этом дне было что-то необычное, выделявшее его из череды прочих — словно лопата золотоискателя, наткнувшаяся на край сундука с сокровищем, заботливо закопанного от посторонних глаз. Был ли это просто случай или нечто большее? Судьба, знак, стечение обстоятельств — каждый мог трактовать происходящее по-своему.

Так или иначе, этот день навсегда запомнится тем, кто имел к нему непосредственное отношение. Он станет точкой отсчёта, вехой, о которой будут вспоминать с трепетом и удивлением: «А ведь всё началось именно тогда...»

Впрочем, не станем загадывать, а просто перевернем эту страницу и начнем по порядку...

В одном из отделов ЦРУ, расположенном в Лэнгли, Вирджиния, в это утро раздался тревожный звонок. На часах было 04:47 по восточному времени. В приёмной дежурный оператор мгновенно перевёл вызов на отдел ближневосточной разведки, где в этот момент находились два сотрудника — старший аналитик Майкл Харрис и его коллега Сара Дэвис.

Майкл Харрис, сорока пяти лет, с седой прядью в волосах и усталым взглядом, был экспертом по Сирии. Он работал в ЦРУ уже двадцать с лишним лет и за это время успел повидать многое — от мелких интриг до крупных геополитических сдвигов. Сара Дэвис, энергичная и амбициозная, лишь недавно получила повышение до младшего аналитика и в отличии от Майкла, только начала погружаться в тонкости работы Восточного сектора, и пока не до конца осознавала весь масштаб возможных последствий в нем.

Телефон на столе Харриса зазвонил снова — это был внутренний вызов от дежурного. Он нажал кнопку «громкой связи».

— Майкл, срочное сообщение от агента «Химера» в Сирии, — прозвучал напряжённый голос. — Код доступа «Омега-7».

Харрис резко выпрямился, его лицо стало серьёзным. Код «Омега-7» означал высший приоритет, а информация могла иметь глобальное значение. Он бросил взгляд на Сару, которая уже доставала папку с данными по Сирии.

— Включай систему шифрования, — приказал Харрис, нажимая одну из кнопок на стационарном телефоне. — И вызови начальника отдела. Это может быть то, о чём я тебе вчера говорил.

Через минуту на экране компьютера появилась зашифрованная трансляция.

Специальный агент под псевдонимом «Химера», сумел проникнуть в ближний круг лидеров радикальных группировок на Ближнем Востоке и должен был сообщать информацию о тайных переговорах между ними.

Это было его первое донесение о подготовке беспрецедентной операции, окутанной такой завесой тайны, что детали были известны лишь узкому кругу посвящённых — тем, кто стоял у самых истоков замысла.

Агент лично присутствовал на закрытой встрече глав организации «Аль-Джамаат» («Аль — Джамаат» вымышленная группировка, провозгласившая своей целью установление нового миропорядка). На совещании обсуждался дерзкий, почти безумный план. В его центре находился некий древний артефакт, по легендам обладавший невероятной силой — способностью изменять сам ход истории, порождая альтернативные реальности. С его помощью «Аль-Джамаат» планировал не просто изменить расстановку сил на Востоке — они намеревались переписать карту мира, стереть старые границы и воздвигнуть новую империю, подчинив все религии воле избранных.

Харрис и Дэвис переглянулись. Полученные сведения звучали больше как научная фантастика, чем реальность — настолько невероятным казался сам масштаб замысла. Но, что если информация подтвердится... Тогда не просто изменится баланс сил в Восточном секторе, это может привести к новому витку конфликта.

— Сара, проверь все связи «Химеры» за последние три месяца, — произнес Харрис. — Нужно убедиться, что это не дезинформация. Сейчас мы узнаем, играем ли мы в шахматы — или в русскую рулетку.

Дэвис кивнула и начала быстро набирать команды на клавиатуре.

— Майкл, а что, если это правда? — спросила она, не отрываясь от работы. — Что тогда?

— Тогда... мы столкнёмся уже не с крупнейшим геополитическим сдвигом, — ответил Харрис, глядя на карту Сирии, висевшую на стене. — Это изменит ход всей нашей истории.

В этот момент в кабинет вошёл начальник аналитического отдела, Джон Морган. Он был бледен и явно не спал всю ночь.

— Что у нас? — спросил он, глядя по очереди на сотрудников, а затем на экран.

Харрис кратко изложил суть полученного сообщения. Морган нахмурился.

— Нужно немедленно передать данные в Белый дом и Госдепартамент, — решил он. — Но сначала — полная проверка. Сара, ты отвечаешь за анализ связей «Химеры». Собери все, что нам известно: с кем именно он контактировал, подтверждение со спутников и все передвижения глав «Аль-Джамаат». Майкл, подготовь предварительный отчёт. У нас есть максимум час.

Монитор мерцал в полумраке комнаты, отбрасывая бледные блики на лица аналитиков. Сара Дэвис впивалась взглядом в поток данных, сверяя каждую деталь с архивами.

— Майкл, — тихо произнесла она, не отрываясь от экрана, — смотри. Три месяца назад Химеру видели в Дамаске на встрече с представителем «Харас аль-«Ирд» («Харас аль-«Ирд» — «Стражи чести» Haras al-«ird, выдуманная организация целью которой является распространение ислама). Связь тогда не подтвердили, но вот... — она развернула на втором мони-

торе схему контактов. — Теперь вижу цепочку. Если он действительно работает на обе стороны...

Харрис наклонился ближе, прищурившись. На схеме, словно вспыхнули узлы взаимосвязей — пересечения, которых раньше не замечали.

— Значит, информация вполне может быть двойной игрой, — процедил он, медленно перекатывая слова во рту, словно горькую пилюлю. — Либо он ведёт нас к цели, либо загоняет в ловушку. Вот только, что в его понимании «цель»? За три года — первое сообщение. За это время можно не просто сменить сторону... можно полностью переродиться. На кого он работает теперь? На нас? На них? Или уже только на себя?

В этот момент дверь распахнулась. Вошёл Джон Морган, держа в руках распечатки. Его обычно невозмутимое лицо выдавало напряжение.

— Только что получили подтверждение из Аммана, — сказал он, кладя листы на стол. — Местный источник видел грузовики с маркировкой сирийской армии, направлявшиеся к границе с Ираком. Груз не декларирован.

Сара быстро набрала команду, выводя на экран спутниковые снимки. На них едва различимые колонны машин тянулись по пыльной дороге.

— Что в них — оружие? — задумчиво произнес Харрис.

— Если это то, о чём говорит Химера... — она запнулась, подбирая слова. — То речь идёт не просто о контрабанде оружия.

Харрис медленно выпрямился. В его глазах читалась тяжесть осознания.

— Если данные верны, мы стоим на пороге крупнейшего прорыва за последние десять лет. Или самого громкого провала.

Морган кивнул.

— Я связываюсь с Вашингтоном. Но сначала — полная верификация. Сара, проверь все спутниковые данные за последние 48 часов. Майкл, собери команду для анализа цепочек поставок. У нас три часа до утреннего брифинга.

Комната наполнилась щелчками клавиатур и приглушёнными голосами операторов, а за окном постепенно светлело и первые лучи солнца коснулись Лэнгли.

— Майкл, — тихо окликнула Сара, не отрываясь от монитора. — Что, если он прав? Что, если это действительно начало конца?

Харрис помолчал, глядя на карту Сирии, испещрённую метками.

— Тогда мы должны быть теми, кто поставит точку. Или станет свидетелем катастрофы. Третьего не дано.

Тишину разорвал резкий звук входящего сообщения. На экране высветилось новое сообщение от Химеры. Тема: «Подтверждение. Точка невозврата».

Новость в одночасье изменил привычную рутину коридоров ЦРУ известием, от которого у высокопоставленных чиновников перехватило дыхание. Это был ключ — невидимый, но вполне осязаемый, — от дверей, за которыми простирался мир новых возможностей, сверх технологий, прорыв по всем областям науки, и не только.

Сообщение звучало как фантастика, однако, полученные сведения выглядели убедительно. Осознавая, что на горизонте зреет нечто грандиозное — и одновременно смертельно опасное, — глава ЦРУ незамедлительно доложил о данной ситуации президенту США, квалифицировав информацию как угрозу национальной безопасности.

Президент Ричард Кейн был человеком действия, и поэтому не стал затягивать с решением. Всего несколько минут ушло на осмысление данных — и вот он уже снимает трубку, чтобы вызвать своего секретаря, Тома Харриса.

— Том, — произнёс Ричард задумчиво крутя между пальцами подаренный председателем Китайской Народной Республики (КНР) Чао Ли «[Parker](#)».

Изящная ручка, созданная в единственном экземпляре специально для Ричарда Кейна, была подарена ему Чао Ли в память об их единственной пока встрече. Оба лидера надеялись, чтобы их знакомство получило продолжение.

Ричард ценил этот предмет — в нём удивительным образом сочетались утончённость формы и надёжность, сравнимая с легендарным советским автоматом Калашникова. Сейчас Кейн задумчиво вертел ручку в руках, погружившись в разгадывание очередной политической головоломки. Задача раскрывалась перед ним словно русская матрёшка: за каждой оболочкой таилась новая, ещё более загадочная. Он упорно пробивался к самой сердцевине, пытаясь постичь суть происходящего.

Предстоящее решение, над которым он размышлял, обладало поистине беспрецедентной значимостью. Оно могло перевернуть устоявшийся миропорядок, радикально перекроить политическую карту государств и пересмотреть фундаментальные правила глобальной экономики. Но самое главное — на кону стояло будущее всего человечества — и именно Ричарду Кейну предстояло сделать этот судьбоносный выбор.

Тем временем Том неподвижно замер в стороне, внимательно наблюдая за президентом. Он ожидал хоть какой — то реакции на своё появление, но Ричард, казалось, не замечал его, оставаясь погружённым в размышления. Осознавая важность момента, Том молча ждал, невольно оглядывая обстановку Овального кабинета. Хотя он знал здесь каждую деталь, взгляд невольно скользил по привычным предметам — ведь иных занятий у него сейчас не было.

Шёл третий год правления Ричарда Кейна, избранного от партии демократов на пост президента Соединённых Штатов Америки, и за это время он успел завоевать небывалую популярность среди своих избирателей. Его имя стало синонимом взвешенной политики и мудрого руководства. Он не спешил с принятием решений, тщательно обдумывая каждый свой шаг, прежде чем сделать окончательный выбор. Эта черта характера давала Тому уникальную возможность наблюдая за работой лидера за эти три года изучить каждый уголок Овального кабинета. Он знал наизусть расположение всех предметов мебели, декора, историю их появления и с определенной долей очевидности мог предсказать их дальнейшую судьбу.

Овальный кабинет, как символ президентской власти США и место принятия важнейших государственных решений, не только наблюдал за тем, как его хозяева один за другим меняли ход мировой истории, но и сам, на всем протяжении своего существования в чем — то менялся. С момента постройки в 1934 году его интерьер постоянно обновлялся в соответствии со вкусами каждого нового президента.

Символическая перезагрузка началась с замены отдельных элементов интерьера и носила скорее чисто символический характер: от смены красных штор на роскошные золотистые с изысканными ламбрекенами до замены портретов американских лидеров на стенах.

Но были и президенты, которые вносили в обстановку Овального кабинета весьма оригинальные детали. Например, появилась специальная кнопка, с помощью которой можно было мгновенно получить диетическую колу — небольшая, но характерная особенность, отражающая личные предпочтения обитателя кабинета.

Она размещалась на небольшой прямоугольной коробке, на рабочем столе главы государства и тут же была прозвана журналистами «маленьким детонатором». Однако с приходом в Белый дом следующего президента США — эта деталь бесследно исчезла.

Семейные фотографии на комод добавляли личному пространству президента теплоты и человечности.

Неизменными всегда оставались лишь сама планировка кабинета и его главная реликвия — легендарный стол «Резолют». Уникальный предмет мебели изготовлен из дуба и красного дерева, добытого из обломков британского корабля «Решительный», найденного американцами в Арктике. Именно за этим столом Президенты США подписывали все важные документы.

В северной части кабинета располагался камин, над которым висели портреты Президентов, а в западной стене располагались два встроенных книжных шкафа. Четыре двери вели: восточная приглашала в благоухающий Розовый сад, где до 1902 года простирались обширные конюшни, западная открывала путь в личный кабинет Президента США и столовую, северо — западная вела в главный коридор Западного крыла, а северо — восточная — в кабинет секретаря президента, который сейчас занимал он — Том Харрис.

Взгляд Том с интерьера кабинета снова вернулся к Ричарду Кейну. Казалось, тот словно почувствовал на себе пристальный взгляд помощника и медленно, почти неохотно, оторвал глаза от любимой ручки и поднял их на Тома. Их взгляды встретились, и в этот момент Том понял — судьба очередного проекта уже решена.

— Том, — повторил Президент и в его голосе теперь чувствовалась твердая уверенность в каждом слове, — немедленно созывай совет безопасности. К трем часам после полудня все должны быть готовы — это срочно.

— Да, сэр, — Том едва заметно кивнул и выйдя от Президента, тут же направился в свой кабинет. Он решительно снял трубку и набрав номер произнёс:

— Митч, Президент отдал распоряжение Совету Национальной Безопасности (СНБ США) собраться и быть готовым к экстренному заседанию в Ситуационной комнате Белого дома.

Он назвал главе Пентагона Митчу Пауэру время и сославшись на срочность дал понять, что лучше готовиться уже прямо сейчас — дело было серьёзным. Постепенно он обзвонил всех тех, кто входил в состав Совета.

В назначенное время Президент США Ричард Кейн, обвел взглядом собравшихся и глядя в их лица произнес:

— Господа, я собрал вас для принятия решения по одному, крайне важному, делу. Сегодня утром мне доложили, что наша страна находится под угрозой и возможно не только она, а и весь мир... Понимаю, заявление громкое и неожиданное, впрочем, так это или нет — нам расскажет Рэй Браун — директор Управления Национальной Разведки.

В зале повисла напряжённая тишина. Все присутствующие, как по команде, устремили взгляды на Рэя, в их глазах читалось нескрываемое любопытство, смешанное с тревогой. Внеочередное собрание совета само по себе было событием из ряда вон выходящим, а потому каждый понимал: грядут серьёзные перемены.

Рэй поднялся во весь свой внушительный рост. Его мощная фигура, облачённая в идеально сидящий костюм, излучала уверенность и силу. Он обвёл собравшихся спокойным, понижающим взглядом, в котором читалась решимость. Он умел привлекать к себе всеобщее внимание. В нём было нечто особенное — редкая смесь природной харизмы с манерами истинного джентльмена, подкреплённые заслуженным уважением, которые создавали вокруг него ауру непререкаемого авторитета, заставляя людей не просто слушать, а прислушиваться к каждому его слову. Вот и сейчас, в этот важный момент, все присутствующие замерли, превратившись в слух.

— Что ж, признаться, когда Том позвонил мне — в первый момент я было подумал, что это загородная вечеринка по случаю Дня независимости — уж очень он старался воспроизвести важность момента...

Его слова, казалось, сразу сняли общее напряжение, царившее в атмосфере кабинета, но то, что он произнёс в следующую секунду, изменило не только их планы на ближайшие дни, но и определило дальнейший вектор их работы.

— Однако, новость действительно важная. Вчера я получил от моего надежного источника в Сирии сведения о том, что в руках террористов могут оказаться технологии, которые не только вызывают моё беспокойство, но и требуют нашего общего внимания. Буду откровенен — я и сам не очень — то верю в подобное, но, если сегодня мы проигнорируем саму

возможность развития данного сценария, то завтра, всё, что нам останется — это смириться с результатом. И он точно будет не в нашу пользу. Речь господа идёт о возможности изменить ход нашей истории...

Присутствующие переглянулись и на их лицах появилось выражение недопонимания и тревоги. Рэй внимательно следил за каждым из членов совета и отметил про себя невозмутимый вид директора ЦРУ Билла Саймона. Тот словно уже знал наперед каждое его слово и имел ответ на любой вопрос. Рэй перевел взгляд на Президента, тот едва заметно кивнул ему.

— Информация поступила от надёжного источника, — продолжил Рэй. — Наш агент, которого мы внедрили в «Аль — Джамаат», присутствовал на собрании глав этой организации. Ему удалось узнать, что на территории Сирии, под одним из древних храмов Пальмиры, находится некий артефакт, своего рода портал, создающий аномальную зону вокруг себя. В двух словах: этот артефакт искривляет пространство — время. Поясню на примере кротовой норы. Это искривление — деформируют ткань пространства — времени, создавая «тоннель» между двумя точками. Вход и выход этого тоннеля могут находиться в разных эпохах из-за релятивистского замедления времени. В итоге: объект, войдя в один конец, выходит из второго — фактически попадая в прошлое или будущее. Но это чисто теоретическая схема.

— Мне помнится, — заметил Президент Рэю, — ВМС США (Военно — морские силы США) уже делали нечто подобное — «Филадельфийский эксперимент», кажется...

— Господин Президент прав, проект «Радуга», проводился в 1943 году, но весьма неудачно... Мы все ещё в начале пути.

Рэй отчётливо понимал значимость и тем более — секретность данного вопроса. Результаты данного эксперимента убедительно подтвердили: теория Эйнштейна и разработки Теслы не просто верны — они дополняют друг друга, открывая путь к принципиально новым технологиям. Но вслух говорить про это не стоило...

— Сейчас, — продолжил Рэй, — этот артефакт находится в режиме ожидания, но его всё ещё можно включить и задать нужные параметры...

Тут Рэй посмотрел с тревогой на Президента и тот казалось понял его мысль. Он кивнул ему, давая возможность продолжать.

— Последствия могут оказаться непредсказуемыми — как для прошлого, так и для будущего, — продолжил Рэй. — «Аль — Джамаат» стремится завладеть этим артефактом, чтобы перекроить миропорядок по своему усмотрению. Их цель — установить единый ислам на всей планете. Все иные конфессии, равно как и современная наука, будут объявлены вне закона. Власть сосредоточится исключительно в их руках, а центр принятия решений станет единственным и непререкаемым. Альтернатив не останется... Если эта технология попадёт в руки террористов, последствия не нуждаются в долгих объяснениях. Мир погрузится в пучину бесконечных войн, а экономический упадок станет неизбежным спутником непрекращающихся конфликтов. Наступит мрачная эпоха, напоминающая средневековье, где каждый будет озабочен лишь собственными интересами. Человечность и сострадание отступят на задний план, уступив место жестокости, алчности и неутолимой жажде власти. И это лишь один из множества возможных сценариев...

Слова Рэя произвели впечатление материализовавшейся из воздуха бомбы с часовым механизмом на их столе. В воображении каждого мгновенно возникли яркие цифры таймера, тающие одна за другой. В гробовой тишине кабинета отчётливо звучало невысказанное: «Дело дрянь...».

— Что предлагаешь, Рэй? — нарушил тишину глава Белого дома.

Но в этот момент в разговор решительно вмешался директор ЦРУ Билл Саймон. Кажется, он ловко перехватил инициативу у Рэя и теперь стремительно продвигался к решающей точке, словно игрок, рвущийся к очковой зоне.

— Если позволите, господин Президент, — голос Билла звучал вкрадчиво, но твёрдо, — я бы не стал торопиться с громкими заявлениями. Согласен: если информация подтвердится, промедление недопустимо. Однако, где гарантия, что это не дезинформация? Прежде всего необходимо удостовериться в достоверности полученных сведений, а уже затем разрабатывать и принимать контрмеры. Я ни в коем случае не ставлю под сомнение слова Рэя, но...

Билл сделал эффектную паузу, словно игрок, остановившийся в очковой зоне перед решающим броском. Он явно наслаждался моментом, заставляя всех напряжённо ждать его следующих слов.

— Что «но», Билл? — с явным недовольством в голосе произнёс Ричард Кейн.

— Я бы не стал безоговорочно доверять этому источнику. Не исключено, что это тщательно спланированная «оперативная игра» — не более...

— Поясни нам, что ты имеешь в виду, Билл, — президент изобразил искреннее удивление, внимательно глядя на директора ЦРУ.

— На мой взгляд здесь на лицо «двойная игра» или сознательная жертва — своего рода «гамбит» (от итал. gambetto — подножка), ради получения позиционного преимущества. Одна из сторон сознательно «подставляет» нашего агента, чтобы вывести на чистую воду противника и внедрить своего человека в его структуру. Цель — контролировать наши действия и получить стратегическое преимущество в долгосрочной перспективе.

— Иными словами — ты не доверяешь агенту Рэя? — констатировал Ричард Кейн.

— Не совсем. Дело, мистер Президент, вот в чем... — начал излагать свои сомнения Билл, глядя то на директора УНР Рея Брауна, то на Президента США Ричарда Кейна.

Оба ведомства ЦРУ и УНР имели много общего, но вместе с тем были и некоторые разногласия по ряду вопросов. ЦРУ отличалось от УНР более открытым подходом к информированию общественности о своей деятельности, что способствовало повышению его авторитета. УНР, в свою очередь, напротив, стремилось к максимальной скрытности и всегда болезненно реагировало на любые публикации о себе. До создания Управления Национальной разведки, разведывательным сообществом руководил непосредственно сам президент США через Директора Центральной разведки, то есть руководителя Центрального разведывательного управления (ЦРУ).

После террористических атак 11 сентября 2001 года была создана специальная комиссия (Комиссия 9/11). В июле 2004 года эта комиссия представила доклад, выявивший серьёзные недостатки в работе разведывательных служб, их уязвимость и неспособность противостоять посягательствам со стороны иностранных террористов. Это послужило толчком к тому, что Разведывательное ведомство было реорганизовано, а часть полномочий перераспределено.

В коридорах власти Вашингтона развернулась настоящая битва за влияние. Аппарат директора Национальной разведки (DNI) превратился в мощную структуру и теперь выступал в роли независимых агентств с секретным бюджетом, его Директор стремится укрепить позиции в глазах главы Белого дома. ЦРУ и УНР вступили в негласное соперничество, на кону стояли не только деньги, но и возможность определять вектор развития всей разведывательной системы США. Каждая сторона стремилась продемонстрировать превосходство одной из служб.

Президент США оказался в сложном положении. С одной стороны, ему требовалась эффективная разведка. С другой — постоянное соперничество между ведомствами могло привести к катастрофическим последствиям. Секретные бюджеты росли как на дрожжах, а реальные результаты оставались под вопросом.

В этой закулисной войне использовались все доступные методы: от утечки информации до создания ложных отчётов. Информационная война внутри разведывательного сообщества достигла своего пика, когда стало известно о существовании секретных программ, направленных на дискредитацию конкурентов. Каждый отчёт, каждая операция теперь рассматривались

через призму конкуренции. Доверие между ведомствами пошатнулось, а система, созданная для защиты страны, начала работать против самой себя. В этой ситуации только решительные действия высшего руководства могли предотвратить полный развал разведывательного сообщества.

В последнее время отношения между директором Управления Национальной разведки США Рэем Брауном и главой Центрального разведывательного управления Биллом Саймоном обострились после раскрытия имени офицера ЦРУ, занимавшегося российским направлением и работавшим под прикрытием. Опубликованный список агентов, лишённых доступа к секретной информации, стал очередным поводом для новых разногласий и камнем преткновения — последней каплей в их безудержной гонке за превосходство.

Сложность в их отношениях заключалась ещё и в том, что корни ЦРУ уходили глубоко в Министерство обороны США и имели военизированный характер. Первые два директора ЦРУ были военными и это объяснялось преобладанием военных подразделений в структуре американской разведки. Что до УНР, то его костяк составляли гражданские. Это фундаментальное различие в составе кадров порождало не только разные подходы к решению задач, но и принципиально отличные взгляды на методы работы разведки.

По мнению Билла — УНР совало свой нос везде куда не следовало и сейчас их агент сумел добыть сведения особой важности. Это подрывало авторитет ЦРУ в глазах Президента, и Билл старался всеми силами помешать этому.

Теперь, когда Ричард Кейн в поисках решения по данному вопросу требовал от обоих ведомств предложений, Билл не мог удержаться, чтобы не подставить подножку своему коллеге.

— Дело вот в чём, — слова Билла звучали откровением, а его пальцы непроизвольно потянулись к воротнику рубашки, словно пытаясь ослабить невидимые путы. Тонкая ткань предательски впиалась в кожу, выдавая его внутреннее напряжение.

— Мы не можем полностью быть уверены в достоверности этой информации, — продолжил Билл, в его голосе звучало ярко выраженное опасение. — Там есть определённые... нюансы, которые вызывают у меня серьёзные сомнения и опасения.

Его взгляд метнулся к Президенту, затем к директору УНР, пальцы нервно забарабанили по столу, выдавая беспокойство. Рэй Браун сидел неподвижно, его глаза, скрытые за стёклами очков, внимательно следили за каждым словом и движением собеседника, он почувствовал приготовленный для него подвох и был готов к нему.

— Внедрённый пять лет назад агент Рэя, только сейчас вышел на связь. Насколько я знаю других донесений от него не было. Почему? Понимаю — это закрытая информация, но... его вполне могли изболтать... А что, если он — всего лишь жертва изодрённого обмана? — Билл говорил медленно, с нарочитой весомостью, словно Дельфийский оракул. Он принял таинственный вид, будто подвешивая в воздухе невидимую нить интриги. Даже Рэй, не скрывая любопытства, внимательно следил за ходом его рассуждений, гадая, куда приведёт эта витиеватая цепочка умозаключений.

— Представьте себе картину, — Билл подался вперёд, понизив голос до заговорщического шёпота. — Ловушка... Тщательно продуманная, дьявольски хитроумная ловушка, которую террористы устроили нашему агенту. Что, если он с ними заодно? Или, быть может, его просто используют вслепую? Мы слепо доверимся его информации — и тем самым передадим контроль над ситуацией в руки «Аль — Джамаат»? А если так — мы окажемся втянутыми в игру, правила которой нам неизвестны...

Он резко замолчал, словно ожидая аплодисментов. Но в комнате повисла напряжённая тишина: никто не спешил ни возражать, ни соглашаться. Все взгляды устремились к Президенту, ожидая его реакции.

— Это понятно, Бил. Ты и Рэй для того и назначены на свои должности, чтобы избегать подобных ловушек, — наконец произнёс глава Белого дома, слегка нахмурившись. — Ты напустил туману, но так и не помог нам прояснить ситуацию. Ты сам-то, что предлагаешь?

Билл Саймон едва заметно улыбнулся — момент для решающего хода был идеален. Теперь можно было аккуратно перебросить мяч на сторону Рэя.

— У меня на этот случай есть пара особых агентов... — начал он уверенно.

— Парой агентов тут не обойтись, — резко перебил его Президент. — К тому же, пока твои Джеймсы Бонды будут всё проверять, мы упустим самую возможность получить в руки этот артефакт.

Он посмотрел на Рэя Брауна.

— Рэй? Я так и не услышал твоего ответа. Твой агент — твоя операция... Что скажешь?

— Считаю необходимым отправить на встречу с агентом спецгруппу и прикрытие — отряд «Дельта», — чётким, уверенным голосом произнёс тот. — Если информация подтвердится, нам будет необходимо первыми обнаружить данный артефакт и вывезти его из Сирии. «Дельта» обеспечит эвакуацию. На случай, если все пойдёт не по плану, следует немедленно применить силовой метод.

— Что ж, вполне разумно... — Ричард Кейн кивнул Рэю и обратился к главе Пентагона. — Митч, теперь твоя очередь, интересно послушать твои соображения. Что скажешь? — произнес Президент и в его взгляде читалось: «Ну Митч, не подведи меня — скажи то, о чем я думаю...».

Все посмотрели на главу Пентагона Митча Пауэра, тот сидел прямо и неподвижно, словно застывшая в мраморе античная статуя, но едва уловив на себе пристальный взгляд главы Белого дома — сразу пришел в движение.

Митч Пауэр, посвятивший интересам страны всю свою жизнь, подходил к закату своей карьеры, но все ещё оставался активным и полным сил человеком. Энтузиазм, с которым он предавался работе, говорил о многом, заставляя коллег и окружающих его людей отдавать ему должное в виде уважения и признания его заслуг. Но при всех его достоинствах, особое впечатление производил его пронизательный ум и дальновидность, как грань мудрости и этим он особенно нравился Ричарду Кейну. Стараясь избегать ошибок, Митч, словно заглядывал за горизонт событий и сейчас, наблюдая подковерную игру своих коллег, направив все усилия в деловое русло произнёс:

— Господин президент, если дело обстоит именно так, как рассказал нам Билл, то действовать нужно быстро и решительно. Приоритетом США всегда являлась и будет являться защита страны и её граждан от любого рода угроз и посягательств. Если эти технологии окажутся в руках «Аль — Джамаат» — изменится не только расстановка сил на Ближнем Востоке, изменится абсолютно все. Поэтому выражу своё согласие с решением Рэя и в свою очередь готов перебросить дополнительные силы в распоряжение Центрального командования на Ближний Восток.

Произнося эти слова, Митч обдумывал сразу два направления в которых ему предстояло двигаться: защита страны от мнимой угрозы и получение возможности развития для своего ведомства. Окажись артефакт в руках ЦРУ — он безнадежно будет потерян для Пентагона. Но что, если не Бил, а он первым захватит этот артефакт?

От этой мысли у него перехватило дыхание. Стратегическое преимущество перед потенциальным противником, которое определит будущее Америки и её армии на десятилетия вперёд. Но он так же понимал, что, если ЦРУ узнает о его планах, начнётся внутренняя война между ведомствами, как это уже происходит с УНР. Бюрократические интриги, межведомственные конфликты, возможно, даже предательство — всё это могло встать на его пути. Чтобы добиться успеха, нужно действовать не просто быстро и решительно, а осторожно. Нельзя дать Биллу и его людям опередить его.

В недрах Пентагона стремительно набирал обороты секретный проект «Альфа Х», цель которого было создание нового поколения воинов будущего. Учёные работали над созданием генетически модифицированных суперсолдат, способных превзойти естественные человеческие возможности. В основе этих амбициозных планов лежали три ключевых направления: тонкая работа с генетическим кодом, разработка передовых нейроинтерфейсов и создание инновационных препаратов, способных кардинально менять физиологию человека. Особое внимание уделялось разработкам Агентства перспективных исследовательских проектов (DARPA), которое вело работу над созданием уникальных медикаментов. Эти препараты способны были подавлять потребность во сне и нивелировать чувство усталости, что значительно повышало боеспособность военнослужащих. Параллельно с этим совершенствовались нейронные системы, позволяющие операторам управлять боевой техникой одной лишь силой мысли. Все эти технологии открывали новую главу в истории военного искусства, где грань между человеком и машиной становилась всё более размытой, а возможности человеческого организма выходили далеко за пределы общепринятого.

Однако все это требовало значительных затрат и времени, которого у Билла оставалось не так уж много. Однако, обладая данным артефактом, он мог решить все проблемы одним махом, как свои, так и Пентагона... Над этим стоило подумать, но сейчас все ждали от него конкретных предложений.

— Переброска дополнительных сил на Ближний Восток расширит не только готовность к обороне в регионе, но и даст нам возможность проведения силовой операции, — выразил он свою мысль и заметил в глазах Президента едва уловимое одобрение, — но для этого нам нужен официальный предлог.

— Какой? — тут же оживившись поинтересовался президент, прекрасно понимая, о чем именно сейчас пойдёт речь.

— Скажем, что в руках террористов имеются ядерные боеголовки. Станем их искать: найдём — хорошо, нет — наш долг проверить. Это не вызовет со стороны мировой общественности большого резонанса — никто не желает жить под угрозой очередных террористических актов. Успеем первыми захватить артефакт — вывезем его из Сирии, если опоздаем — сровняем все с землей. Наши истребители зачистят город, а затем проверим все еще раз.

— Что скажете, господа? — обратился Президент к присутствующим.

Он сидел напротив них, изучая каждого взглядом. Наступившая тишина требовала окончательного решения, которое могло изменить соотношение сил на Ближнем Востоке и грозило вылиться в нечто большее, чем простая операция, имеющая целью проверку разведанных. Каждый из членов Совета это понимал и не спешил со своим одобрением, ожидая толчка от Президента, и он не замедлил последовать. Глава Белого дома постарался снизить общий градус напряжения:

— Что ж, — произнёс он с назидательной интонацией, — как говорил Гай Юлий Цезарь: «Пришёл, увидел, победил». Именно в таком ключе мы и будем действовать. Ведь, как известно, не разбив яйца — останешься голодным.

— «Не разбив яйца — не приготовишь яичницу», — мягко поправил Рэй. — Это русская поговорка. Вроде «готовь сани смолоду».

— Не совсем так, — вмешался Билл, не собираясь отсиживаться в стороне, спор — дело коллективное, в нём всегда участвуют по меньшей мере двое. — Правильная версия: «Готовь сани летом».

— Летом? — удивился собеседник. — Зачем сани летом? Вот видите, русские — настоящая загадка.

Диспут грозил перерасти в затяжную полемику, но Ричард Кейн решительно положил ему конец:

— Если возражений нет, — подвёл итог встречи Президент, — то жду ваших письменных докладов по данной ситуации. Срок — до утра следующего дня. Завтра к обеду мы должны начать операцию по захвату объекта в Сирии. Что ж, господа, рад был повидаться.

Слова прозвучали как холодный душ. Все разом замерли, внезапно вспомнив об истинной цели визита. Озабоченность и серьёзность мгновенно отразились на лицах. Каждый осознавал: они стоят на пороге больших перемен. И, если это окажутся всего лишь военные действия — можно считать, что пронесло. Но что, если грядет настоящая катастрофа?

— У меня вопрос, господин Президент, — спохватился Бил, бросив короткий взгляд в сторону Рэя, чья фигура уже замерла на пороге.

— Да, Бил, говори, — Кейн позволил себе опуститься в кресло, но остальным места не предложил, втайне надеясь, что вопрос Била не перетечёт в затяжную беседу.

— У нас нет названия...

Если бы в этот момент под Белым домом разверзлась земная твердь, едва ли кто — то обратил бы на это внимание — настолько ошеломляющим оказался намек Била. Без названия операция теряла всякий смысл ещё до начала. Это всё равно, что спустить на воду корабль, которому не дали имени, — безмолвный призрак, обречённый скитаться по волнам без цели и признания.

Кейн замер с полуприкрытыми глазами, словно пытаясь уловить невидимую нить, на которой держался его последний нервный импульс. Он молча указал присутствующим на кресла.

— Нет названия... — протянул он, и в голосе прозвучала такая гамма оттенков, что хватило бы на целый оркестр: от лёгкого недоумения до почти философского смирения перед абсурдом бытия. — Это действительно досадное упущение: планировать операцию, которая войдёт в историю, как операция «Без названия»...

В комнате повисла пауза, настолько плотная, что её можно было нарезать ломтиками и раздавать, как сувениры.

Бил неловко переступил с ноги на ногу и первым сел в предложенное кресло.

— Ну, в общем... да, — констатировал он очевидный факт.

Кейн медленно провёл ладонью по лицу, будто стирая невидимую пыль.

Рэй, всё ещё стоявший в дверях, не удержался:

— Может, «Щит»? Или «Молния»? Что — то короткое, ёмкое...

Кейн вскинул бровь:

— «Щит» звучит как название страховой компании, — усмехнулся Кейн. — А «Молния» — как псевдоним супергероя — неудачника. Нам нужно что — то... внушающее. Что — то, от чего у противника мурашки по спине.

Митч с присущим ему хладнокровием, чувствуя, что ситуация грозит выйти из-под контроля, поспешил внести предложение:

— «Рассвет в пустыне» или «Клинок Сахары»...

— Это уже было — «Буря в пустыне», — Бил махнул рукой и вновь задумался.

Рэй задумчиво почесал подбородок:

— «Грозовой фронт»?

— Слишком поэтично, — отозвался Митч.

— «Стальной кулак»? — оживленно снова предложил Рэй.

— Слишком банально, — пожал плечами Бил.

— «Тихий час»? — предложил неожиданно Митч.

Кейн уставился на главу Пентагона так, словно видел его впервые:

— Ты сейчас серьёзно?

— Ну, — пожал плечами Митч, — если всё пройдёт тихо и гладко, никто и не узнает, что мы там вообще были...

Кейн вздохнул, откинулся в кресле и уставился в потолок, словно ожидая божественного откровения.

— Ладно. Давайте так: кто предложит достойное название — получит премию... И дополнительный отпуск — после операции.

В глазах Била и Рэя мгновенно вспыхнул огонёк соревнования. Теперь операция без названия обрела хотя бы одну чёткую цель: найти имя, достойное войти в историю. Или хотя бы не вызвать смех у будущих историков.

— А как, кстати, называется план «Аль — Джамаат»? — прозвучал в воздухе вопрос.

Все взгляды вновь устремились к Президенту.

— «Звезда Ислама», — негромко ответил Рэй.

Президент поджал губы и прикрыл глаза.

— Ладно... — после короткой паузы согласился Кейн. — Думаем дальше!

Попытки подобрать звучное название в духе «Гордый орёл» или «Орлиный глаз» провалились одна за другой. Варианты отменялись едва ли не раньше, чем успевали прозвучать: то казались чересчур пафосными, то не отражали сути, то попросту не ложились на слух.

Час напряжённых обсуждений прошёл в спорах и перебирании вариантов. Наконец, загадочному объекту присвоили имя, точно передающее его суть, — «Хронос».

А самой операции дали название вполне в американском духе — «The Night Hunter» («Ночной охотник»). Оно звучало лаконично, зловеще и в то же время по — деловому — как и положено кодовому имени секретной миссии.

В ведении ЦРУ находились закрытые отделы, чья деятельность была направлена на изучении аномальных явлений и технологий неземного происхождения. И одно из них — подразделение Управления науки и технологий ЦРУ — координировало поиски обломков НЛО по всему миру. Именно они изучали все, что не могла объяснить официальная наука. Предоставленная для анализа информация не стала для них неожиданностью.

В тот же день, буквально через два часа, аналитическая справка из Управления глобального доступа (Office of Global Access, OGA) с подробным описанием возможностей таинственного артефакта лежала на столе Президента. Вверху стоял гриф с пометкой «Top Secret» («Top secret» — информация с самым высоким уровнем секретности — «Совершенно секретно»).

Ричард Кейн держал в руках тонкий листок бумаги, внимательно вчитываясь в каждую его строчку. Он не верил своим глазам. То, что ещё пару часов казалось почти розыгрышем — доказательств ведь не было, теперь предстало перед ним в ином свете.

Таинственные технологии, созданные в тени веков неизвестным гением инженерной мысли, давали возможность не только попасть в неизведанные миры, они открывали путь к альтернативной реальности здесь, на Земле... Это было невероятно!

Он откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. «Никто не должен завладеть этой технологией... никто, кроме нас — США».

Эта мысль, едва родившись, тут же пришлась по вкусу Ричарду. Он вспомнил созданный своими предшественниками однополярный мир и все их достижения: Блок НАТО, введение мировой валюты, первый шаг американских астронавтов на Луну.

«Мы должны быть первыми во всем, — решил для себя Ричард, — и сделаем это — любой ценой!»

Сирия. Пальмира...

Древняя технология, спрятанная в недрах Сирии, манила своим безграничным потенциалом, завладеть которой стало приоритетной задачей не только для ЦРУ, но и для Пентагона. Эти два ведомства, буквально соревнуясь друг с другом, вступили в смертельную гонку за артефактом и отправились в древний город Сирии — Пальмиру.

Каждый шаг в этом противостоянии мог стать решающим, а каждая ошибка — фатальной. В этой игре не было места компромиссам, ведь на кону стояло нечто большее, чем просто власть.

В то время, как разведки мира пристально следили за событиями на Ближнем Востоке, существовала сила, которая действовала, оставаясь в тени. Тайное общество умело маскировалось за кулисами власти, протягивая свои щупальца к самым охраняемым секретам американского истеблишмента. Невидимая нить паутины, вокруг силовых министерств и ведомств США. Прислушиваясь к пульсу их серверов, через которые шла вся секретная информация — агенты тайной организации наблюдали за каждым движением соперников. И пока пыль улиц Пальмиры поднималась в воздух от шагов американских агентов, в темных, подземных бункерах уже разрабатывался план мирового господства, в котором не было ни ЦРУ, ни Пентагона. План, который готовился переписать историю человечества под другим углом...

Подробностей об объекте агент «Химера» не знал, но судя по древним манускриптам, оказавшимся в руках боевиков, речь шла о некоем сооружении, оставленном на Земле внеземной цивилизацией, владевшей секретами управления временем. И теперь «Аль — Джамаат», была готова пойти на любые жертвы ради его получения, если потребуется, то и стереть древний город вместе с его жителями...

В руках террористов оказалась старая карта с указанием места, где был спрятан артефакт — Храм, расположенный в самом центре Пальмиры. Чтобы добраться до предполагаемого местонахождения артефакта, наемники разработали детальный план, включавший разрушение городских кварталов и уничтожение исторических памятников древней культуры. Постепенно, шаг за шагом, не привлекая внимание к истинной цели они, прикрываясь религиозным фанатизмом, должны были уничтожить культурное наследие города в прямом эфире. Радикальные методы не пугали наёмников. Их не останавливало даже то, что такие действия повлекут за собой гибель тысяч мирных жителей.

Согласно плана «Аль — Джамаат», операция «Звезда Ислама», намеченная на начало июля 2015 года, могла продлиться до конца августа или позднее — до тех пор, пока артефакт не будет найден.

Встреча глав групп «Аль — Джамаат», проходила в заброшенном бункере на окраине Пальмиры. В тусклом свете свечей собрались самые опасные и влиятельные члены организации.

Перед ними на столе лежала древняя карта, испещрённая загадочными символами. Пергамент, хранивший на себе следы времени, казалось вот — вот рассыплется — одно неосторожное прикосновение обратит его в прах. Высокий мужчина с пронзительным взглядом, вполголоса произнёс:

— Бисмилляхи рахмани рахим! («Именем Аллаха, Милостивого ко всем на этой земле и только к верующим в День Великого суда»).

Он прикрыл глаза и уже едва слышным шёпотом произнес слова молитвы «дуа» (В исламе перед важным событием принято обращаться к Аллаху с молитвой «дуа», прося руководства, облегчения и благословения дела), затем взглянув на присутствующих, молвил:

— Настал час братья, когда небеса, склонившись к земле в благосклонном внимании, внемлют нашим чаяниям. Перед нами — врата в новую эпоху, возможность переписать летопись мира, превратив её из хроники раздоров в гимн единения. Вообразите мир, где все дороги, сколь бы извилисты они ни были, ведут к единой вершине — к великой истине! Один путь! Одна вера!

Он снова обвел взглядом присутствующих и продолжил:

— Сегодня мы закладываем основание нового храма убеждений. И первые камни в его фундамент предстоит положить вам. Судьба протягивает нам руку, даруя шанс воплотить

мечты в реальность — создать мир, где нет избранных и отверженных, где равенство станет не идеалом, а сутью бытия. Выбор — вот что лежит перед каждым из нас. Примете ли вы его?

Он стоял перед собравшимися подобно оракулу, предсказывавшему судьбу нового мира, и каждый из них понимал, что своим выбором вносит вклад в это будущее. Пламя свечей дрожало, отбрасывая причудливые тени на стены, и казалось, будто сами символы на древней карте мерцают в ответ, взывая к судьбе.

Первым нарушил молчание старец с сединой, подобной лунному свету. Его голос, хоть и ослабленный годами, всё ещё звучал твёрдо:

— Ты говоришь о великом перерождении, шейх Таки ад — Дин Усман. Но скажи: не станет ли единство, выкованное в огне принуждения, лишь новой формой раздора? Не превратим ли мы мечту о гармонии в оковы для души?

Таки ад — Дин Усман медленно обернулся к нему. В его взгляде не было гнева — лишь глубокая, почти печальная уверенность.

— Вопрос твой справедлив, почтенный Насир ибн Ибрахим, как справедлива и тень, следующая за светом. Но разве не в этом — суть испытания? Мы не предлагаем цепей. Мы зовём к осознанию. К тому, чтобы каждый, свободно избрав путь, увидел: различия — лишь оболочки, а под ними бьётся одно и то же сердце, Иншааллах! («Если на то будет воля Аллаха»).

Послышался хор голосов повторяющих: — Иншааллах! Иншааллах!

Мужчина в белой кандуре поднял глаза. В них горела искра, которую не могли погасить ни сомнения, ни страх:

— А если кто — то не увидит? Если для кого — то его вера — не оболочка, а сама суть бытия? Не станем ли мы теми, кого проклянёт история за попытку стереть память предков?

— Память не стирается, — возразил Таки ад — Дин Усман. — Она преобразается. Как река, впадающая в океан, не исчезает, но становится частью чего — то большего. Мы не призываем забыть. Мы предлагаем расширить горизонт. В минуты, когда сердце полно сомнений надо помнить истину: что хотел Аллах, то и было, чего Он не хотел, того не было.

В этот миг по пергаменту пробежала едва заметная вспышка — словно отклик на произнесённые слова. Один из собравшихся, до того молчавший, шагнул вперёд. Его голос звучал решительно и чётко:

— Я верю! Потому, что устал видеть, как льётся кровь во имя веры. Если есть шанс — даже малейший — превратить вражду в единство, я готов положить первый камень!

По залу прокатился шёпот, сперва робкий, затем всё более уверенный. Одни кивали, другие всё ещё сжимали кулаки, борясь с сомнениями. Но в воздухе уже витало нечто новое — не слепая уверенность, но робкая надежда, пробивающаяся сквозь трещины многовековой розни.

Шейх Таки ад — Дин Усман улыбнулся — впервые за весь вечер.

— Тогда начнём! Не с приказа, не с догмы, а с разговора. С вопроса, который каждый задаст себе сам: чего жаждет моё сердце — защищать границы или искать общий берег?

Он поднял руку с вытянутым вверх указательным пальцем.

— Это не прихоть моего сердца — это воля Аллаха, — произнёс Таки ад — Дин Усман, и в голосе его звучала непоколебимая убеждённость. — Сегодня, братья, в наших руках — бесценный дар, ниспосланный по милости Всевышнего, да пребудет благословенно имя Его и пророка Мухаммеда, верного раба Его! Перед нами — карта, что откроет врата в новый мир. С её помощью мы завоюем сердца сомневающихся, преобразим мир и воздвигнем единое государство, где ислам станет средоточием веры и силы!

Его голос звучал уверенно и твёрдо, словно он уже видел очертания этого мира. Остальные участники собрания слушали его затаив дыхание. В комнате после его слов воцарилось молчание, каждый думал о своём месте в этом новом мире. Мужчина, по имени Имамуддин Абуль — Хасан ан — Насири, осторожно спросил:

— Это цель, о которой ты говоришь о почтенный Таки ад-Дин Усман, она благословенна. Но, как мы сможем объединить все народы под знаменем ислама? Многие годы вера предков питала их сердца. Кто захочет вырвать её — сможет лишь вместе с сердцем.

Таки ад-Дин Усман медленно повернулся к нему, его губы тронула снисходительная усмешка, а глаза сверкнули огнём:

— Ты все правильно сказал Имамуддин Абуль — Хасан ан — Насири, но мы не будем принуждать. Мы принесём свет истинных знаний, мудрость и справедливость. Наш путь — путь просвещения, а не насилия. Несогласные уйдут с нашего пути. Алмаз и в грязи блестит, брат мой — мы справимся.

Послышался гул одобрительных голосов. Старик с седой бородой, согласно кивнул:

— В священных писаниях говорится о временах, когда весь мир будет жить в мире и согласии под сенью ислама. Как знать, может сейчас мы стоим на пороге этих перемен?

— Иншаллах! — ответил ему Таки ад-Дин Усман.

В тот самый миг древние символы на карте, казалось, ожили, словно пробудившись от векового сна. Их линии, подобно змеям, причудливо извиваясь, начали переплетаться... Они меняли цвета с невероятной скоростью, становясь всё более чёткими и осязаемыми, будто обретали плоть. Присутствующие, охваченные суеверным ужасом, безмолвно наблюдали за этой трансформацией, понимая, что стали свидетелями чего — то невероятного...

— Видите? Это — знак свыше! — зловеще прошептал он, вновь подняв руку с вытянутым вверх указательным пальцем и смотря на знаки. — Сама судьба призывает нас объединиться! Аллах, справедливый и милосердный, да светится имя Его, ведет нас! Он укажет нам путь!

Человек в тени, выделявшийся своей могучей фигурой на общем фоне присутствующих, резко выпрямился. Его голос прозвучал как набат в тесном помещении, а вопрос заставил всех задуматься.

— Цена! — он сделал паузу. — Не слишком ли она высока, достопочтенный шейх Таки ад-Дин Усман? Чтобы выполнить то, что ты задумал, потребуется жертва. Не лучше ли просто молить Аллаха ниспослать нам это объединение? Если на то воля Аллаха, всё произойдет само собой.

Таки ад-Дин Усман медленно перевёл на него взгляд и его глаза вспыхнули особым, ледяным огнём, призванным не сжечь, а заморозить волю любого, кто осмелится встать у него на пути. Улыбка, больше похожая на оскал демона, заставила присутствующих содрогнуться.

— Винограднику нужна не молитва, а мотыга, — произнёс он с едва уловимой снисходительностью. — Но я понимаю тебя, брат мой, заблудший и лишённый воли, ищущий свой путь во тьме.

Он приблизился вплотную к мужчине атлетического сложения, пристально оглядел его с головы до ног, затем встретился с ним взглядом и усмехнулся:

— Храбреца испытывает война, мудреца — гнев, а друга — нужда, лев мой. Если воин, идя в бой, думает о смерти, он не достоин называться храбрым. Но ты, как я вижу, даже не вступил на порог нашего пути... Помни: кто живёт в робости, не обретёт ничего и не потеряет ничего. Все собравшиеся здесь — герои! Ибо не осмелившийся на поступок — не герой.

С этими словами Таки ад — Дин Усман отвернулся от того, кто дерзнул ему возразить, выразив тем самым глубочайшее презрение. Затем, обращаясь ко всем присутствующим, возвысил голос:

— Лев спрашивает о цене! — он разочарованно покачал головой, — Разве так поступает лев? До каких же времён дожил я, чтобы слышать подобные речи? Лев берёт своё — он не спрашивает!

Присутствующие заметили, как глубокие морщины прорезали лоб шейха, а в уголках глаз блеснули первые слёзы.

— Цена! — прогремел его голос, эхом отражаясь от стен. — Цена всегда высока, братья, когда речь идёт о величии и власти, о том, что превосходит разумение жалких смертных. Сегодня фундамент мира — деньги... но мы все знаем: деньги — хороший слуга, но плохой хозяин. Мы же возводим фундамент веры и даруем миру нечто куда большее! Мы принесём людям спасение — единую для всех веру! Не будет больше раздоров, не будет слёз и стенаний — лишь мир и уважение, единое братство людей. Разве, может быть, в людских сердцах цель более благородная? Нет! Это высшая цель — именно она превыше всего! Наш святой долг воплотить её и да поможет нам Аллах!

— Иншаллах! — прозвучал одобрительный гул голосов ему в ответ.

Шейх Таки ад — Дин Усман уверенно сделал шаг вперёд и его тень потянулась к сомневающемуся, стремясь сомкнуть руки на его шее.

— Жертвы будут, братья, но представьте ту мощь, что мы обретём, — его голос звучал с гипнотической силой, а взгляд выжигал душу, — То могущество, что станет нашим по праву рождения. И тогда вы все поймёте — наша цель оправдывает любые средства! Отделить зёрна от плевел — вот наша задача. Указать всем единственно верный путь, который даст миру свет и спокойствие, любовь и гармонию.

Таки ад — Дин Усман твёрдой рукой наставлял их на путь веры — словно вдевал нитку в иголку и вышивал замысловатый узор будущего — причудливый, понятный лишь ему одному, конечные цели которого оставались сокрыты даже от самых пристальных взоров.

Агент «Химера» стоявший рядом, но остававшийся в тени, внимательно слушал каждое слово своего господина шейха Таки ад — Дин Усмана, здоровье которого оставляло желать лучшего, но влияние на умы людей все ещё превосходило его физические возможности. Являясь личным врачом шейха, агент стал его молчаливой тенью.

Сейчас, находясь в самом центре заговора против всего человечества, агент стал краеугольным камнем, перекрывшим дорогу планам террористов и грядущей катастрофе. Он действовал на грани возможного: рискуя жизнью, сумел завладеть картой, что давало ЦРУ и Пентагону единственный шанс предотвратить катастрофу — первыми найти артефакт и вывезти его из Сирии.

Операция «Звезда Ислама» должна была начаться уже через считанные недели, и аналитики Управления стратегической разведки ЦРУ тщательно проверяли достоверность сведений, полученных от тайного агента. Вскоре стало ясно: данная информация действительно может оказаться правдой.

Согласно древним легендам, в ту пору, когда мир ещё помнил дыхание богов, а звёзды склонялись к земле, чтобы услышать молитвы людей, в оазисе Пальмиры возникла цивилизация, чьё происхождение и по сей день окутано тайной. Их называли Дети Рассвета — не по крови, но по свету, что жил в их глазах. Они пришли не с востока и не с запада. Они спустились с небес на крыльях утренней зари, неся в руках кристаллы, излучавшие мягкий свет. Эти кристаллы, как гласят предания, были «каплями звёздного дождя», собранными в час сотворения мира.

Храмы стали первыми воплощениями их созидательной мысли — вознесшиеся к небу святилища, что служили вратами между мирами. Их колонны, были стройны и безупречны. Каменные блоки фундамента соединялись без раствора, образуя ровные линии, которые даже спустя тысячелетия не дали ни единой трещины. Жрецы утверждали: храм — это часть души вселенной. Его пропорции были не просто эстетическим совершенством — они резонировали с незримыми силами мироздания. В дни равноденствия лучи солнца, проходя через особые отверстия в сводах, создавали на полу святилища узоры, напоминавшие созвездия, которых не видели земные астрономы.

Летописи древних архитекторов, высеченные на базальтовых плитах, содержали два слоя текста: первый, открытый всему миру — гимны Божествам, наставления о гармонии, описания ритуалов и второй, скрытый — строки, написанные на языке, который никто пока не смог полностью расшифровать. Эти фрагменты текста были и остаются неведомой загадкой мозаики, фрагменты которой, если связать воедино дают представление о «потоках невидимой силы, текущих сквозь камень и плоть» — возможно, об электричестве или иной энергии. «Зеркала, хранящих образы минувших эпох» — аналогах записи информации. «Путях, что ведут сквозь бездну мира» — намёках на путешествия во времени.

Их искусство превосходило человеческое понимание. Скульптуры казались в буквальном смысле живыми. Статуи богов, когда на них падал лунный свет — завораживали, черты лица оживали, а их губы шевелились, будто произнося беззвучные молитвы. Некоторые из барельефов на стенах храмовых галерей меняли сюжеты в зависимости от угла зрения. Одни видели сцену небесной битвы, другие — карту неведомых земель, но посвящённые — схемы устройств, напоминавших машины будущего. Мозаики из разноцветных камней переливались, создавая иллюзию движущихся волн или звёздного неба. В центре главного зала находилась мозаика, изображавшая древо жизни: её листья создавали объёмную иллюзию движения даже в безветренную погоду.

Все изменилось в тот день, когда однажды, солнце застыло в зените скрытое тенью неведомого небесного тела... Тьма накрыла всю землю. Дети Рассвета собрались в храме. Они сложили свои кристаллы в центре главного святилища, и те вспыхнули ослепительным светом. Огненный луч вознесся к небесам подобно стреле, выпущенной из лука. Когда сияние угасло, ни одного из них не осталось. Храм опустел, но не умолк. Ветер, проникая сквозь колонны, стал напевать мелодии, которые никто не мог повторить. Камни продолжали излучать тепло, а ночью на их поверхности появлялись светящиеся письмена — то ли прощальные послания, то ли ключи к тайнам, которые ещё ждут своего часа.

Спустя века, когда пески начали поглощать руины, странники всё ещё приходили к тем храмам. Но не все из них возвращались обратно... Те, кому посчастливилось продолжить свой путь, утверждали, что в полнолуние из-под земли доносится гул, похожий на биение огромного сердца, а если приложить ухо к колонне, можно услышать шёпот на незнакомом языке. Возможно, в недрах подземелий храмов, до сих пор находятся те самые кристаллы — «капли звёздного дождя» и ждут того, кто осмелится открыть врата между мирами.

Так гласит легенда, но в центре Пальмиры действительно располагались два древних храма. Первый — храм Баала, главная святыня города, возведённая в 32 году нашей эры. Второй — храм Баалшамина, сооружение римского типа, посвящённое «владыке небес Баалшамину». Этот храм был построен в 131 году на месте более раннего святилища первого века. Мнения аналитиков ЦРУ склонялись именно к храму Баалшамина, поскольку в его районе, военные спутники фиксировали геоаномальную активность неизвестного происхождения.

Получалось, что сведения, полученные от источника в Пальмире, угрожали не только национальной безопасности США, но и всего мира и даже, окажись они ложными, их стоило проверить.

Советом Безопасности США и с одобрения Президента страны, было принято решение сформировать специальный оперативный отряд для перехвата артефакта — группу, которая любой ценой выполнит поставленную задачу.

Все восемь военных баз в Сирии оперативно перевели в режим повышенной боеготовности. Однако для успеха операции требовалось больше данных — в идеале, нужна была сама карта объекта. Поэтому на встречу с агентом УНР, под кодовым именем «Химера», направили опытного оперативника с позывным «Призрак».

Пальмира.

Первые робкие лучи солнца с трудом просачивались сквозь густую пылевую завесу, которая призрачной вуалью, окутывала город после очередной прошедшей песчаной бури. Казалось, что само время здесь остановилось, а город, подобно древнему левиафану, погрузился от суеты цивилизации в пучину веков, противясь прогрессу и заодно пряча свои тайны от любопытных глаз.

Серые камни стен, изъеденные временем и непогодой, хранили на себе бесчисленные шрамы минувших эпох. Каждая выбоина, каждый скол в камне рассказывали свою историю — молчаливые свидетели былых сражений, триумфов и трагедий. Они словно ожидали того момента, когда история сделает новый поворот, меняя их судьбу и судьбу этого мира. Повсюду в воздухе витало ощущение чего — то незримого, неизбежного, рокового...

Расположенная между Дамаском, что сияет на западе, и величавым Евфратом на востоке, Пальмира расцветала в оазисе Сирийской пустыни, словно город из «Тысячи и одной ночи» — призрачный, волшебный, сотканный из золотого песка и древних легенд. Здесь люди просыпаются не по звонку будильника, а по привычке, отмеренной годами. Старик Абу, владелец крохотной лавки у северного входа в город, первым распахивает ставни. Он раскладывает на прилавке сушёные финики, лепёшки, кувшины с прохладной водой — всё то, что нужно уставшему путнику или местному жителю в жаркий день. Его движения привычны и неторопливы, как движения опытного часовщика.

По узким улочкам с лучами солнца спешат дети в школу — мальчишки в выцветших рубашках, девочки в длинных платьях, с учебниками под мышкой. Они громко переговариваются, смеются, иногда толкаются — обычная суета, знакомая любому восточному городу. За ними неспешно идут взрослые. У каждого свой маршрут, свои обязанности, свой маленький круг забот.

В полдень жизнь замирает. Солнце висит в зените, раскаляя камни, и город погружается в полусон. Закрываются лавки, затихают голоса, даже собаки прячутся в тени. Только ветер шелестит сухими листьями да где — то вдалеке раздаётся одинокий крик птицы.

После полудня, когда жара понемногу спадает, улицы снова наполняются жизнью. Женщины собираются у колодца, обмениваются новостями, обсуждают цены на овощи и грядущие праздники. Мужчины возвращаются с работы — кто из мастерских, кто с финиковых плантаций, а кто-то из туристических бюро, где рассказывают приезжим о величии древней Пальмиры. Но большая их часть работает в силах безопасности Сирии.

К вечеру город окрашивается в золотые тона. Тени становятся длиннее, воздух — свежее. Семьи выходят на ужин: на низких столиках появляются блюда с рисом, овощами, мясом. Разговоры идут неспешно, голоса звучат тише, смешиваются с шорохом вечернего ветра. Дети играют у порога, старики, полные житейской мудрости, сидят на скамьях, наблюдая за закатом.

Когда небо темнеет и появляются первые звёзды, город постепенно затихает. Улицы пустеют, лишь изредка раздаётся лай собаки или звук закрывающейся двери. И только древние колонны, свидетели веков, молча взирают на эту повседневность — на жизнь, которая продолжается, несмотря на пыль и шёпот истории.

Город уже просыпался, когда агент «Призрак» бесшумно проскользнул в извилистые улочки старого квартала. Его тень скользила по облупившимся стенам домов, не привлекая лишнего внимания. Воздух был густым от пряных ароматов: где — то неподалёку начинали свою работу пекарни, наполняя улицы запахом свежесдобитого хлеба с кунжутом. Вдалеке слышался монотонный голос муэдзина, эхом отражающийся от древних минаретов.

Старик — бакалейщик, протиравший витрину своего магазинчика, бросил на незнакомца настороженный взгляд, но ничего не сказал. В этом квартале каждый новый человек вызывал подозрения, а агент выделялся среди местных европейской внешностью, несмотря на восточную одежду. На главной площади уже собирались торговцы, раскладывая свой товар на прилавках. Их приглушённые разговоры сливались в единый шёпот, который то и дело прерыв-

вался громкими возгласами «зазывал». Дети, играющие в тени деревьев, бросали любопытные взгляды на чужака, но матери тут же одёргивали их, шепча что — то на ухо.

В кармане агента тихо завибрировал телефон. Пришло сообщение — начало операции запланировано на полдень. Времени достаточно, но в этом лабиринте узких улочек и подозрительных взглядов каждая секунда могла стать решающей. Город буквально кишел наёмниками, их цепкие взгляды следили за каждым, кто вызывал малейшее подозрение. Нужно было найти укромное место и отсидеться час — другой. Он нашёл такое в старом полуразвалившемся доме и достал карту квартала. Пальцы слегка дрожали — не от страха, а от напряжения. Прошедшая ночь не дала ему покоя и глаза предательски слипались. Кончики пальцев скользили по потёртой бумаге, отмечая каждый поворот, каждый переулочек на пути к цели. Он нашёл на карте место — вход в подземелье, где должна была пройти его встреча с агентом «Химера», и теперь все, что ему оставалось, — набраться терпения и ждать...

Он бросил взгляд на часы и, установив будильник на 10:00, прикрыл глаза. Но даже в этой краткой передышке разум не знал покоя — словно вычислительная машина, он перебирал варианты, выстраивал цепочки событий, просчитывал риски. Агент понимал: от его решений будет зависеть не просто успех операции — на кону были человеческие жизни и судьба всего города.

Сон настиг его внезапно, но остался поверхностным, зыбким. Сознание не отключалось: он улавливал каждый звук — шелест листвы, приглушённые голоса прохожих, скрипучую жалобу старых ставен. Подсознание работало в режиме непрерывного сканирования: механически отфильтровывало незначительные шумы и мгновенно настораживалось при малейшем подозрительном звуке.

Внезапно он уловил тихий, почти неслышимый щелчок. Глаза открылись мгновенно, словно он и не спал вовсе. Прямо на него смотрел ствол пистолета.

— Ты долго спишь, американец, — на ломаном английском сказал ему незнакомец и, ухмыльнувшись, спустил курок.

Агент молниеносно откатился в сторону, одновременно выхватывая из-за пояса оружие. Пуля наёмника, пролетела в сантиметре от его виска и с глухим стуком застряла в деревянной раме окна. Раздосадованный, он не стал медлить и вновь спустил курок. Но агент уже был начеку: его выстрел прозвучал чуть раньше. Первая пуля точно вошла в грудь противника, опрокинув его на пол; вторая, без промаха, поразила голову.

В этот миг неподалёку от дома раздались торопливые шаги и громкие крики. Не тратя ни секунды на раздумья, агент рванулся к окну и выскочил наружу. Он мгновенно растворился в запутанном лабиринте городских улиц, в полной мере оправдывая своё зловещее прозвище — «Призрак». Лишь приглушённое эхо недавней перестрелки и резкий, едкий запах пороха ещё некоторое время витали в воздухе, напоминая о произошедшем.

Он пробирался сквозь людской поток прохожих к своей цели. Оставалось совсем немного времени для выполнения задания, после которого его ждала эвакуация — вертолёт с группой прикрытия. Толпа становилась его союзником, скрывая от чужих глаз. Прохожие, погружённые в свои заботы, даже не замечали стремительную тень, скользящую между ними.

Он взглянул на часы — 10.15... Бросив быстрый взгляд через плечо и не обнаружив за собой слежки, он тенью растворился в сумраке между домами.

Его взгляд скользил по фасадам зданий, выискивая знакомые ориентиры. Вот оно неприятное кафе на углу улицы, оттуда до цели оставалось всего два квартала. Сердце билось ровно, несмотря на адреналин в крови. Внезапно, впереди мелькнула полицейская машина. Агент замер, прижавшись к холодной стене. Сирены разрывали тишину, их вой становился всё громче. Преследователи не теряли времени даром — они уже знали о перестрелке.

Впереди виднелся заброшенный склад — идеальное место, чтобы переждать погоню. Перепрыгнув через низкую ограду, он оказался в лабиринте полуразрушенных построек.

Здесь, в этом забытом богом месте, царила особая атмосфера. Пыль кружилась в лучах солнца, проникающих через разбитые окна. Старые коробки и ящики создавали естественные укрытия. Агент замер, прислушиваясь к каждому звуку. Полицейские уже прочёсывали район. Их голоса эхом отражались от стен, а лучи фонарей скользили по запустелым помещениям.

Его внимание привлёк странный шум сверху. Подняв голову, он увидел движение на крыше соседнего здания. Кто — то ещё охотился за ним. Не теряя времени, он нырнул в тёмный проход между стенами и снова взглянул на часы — 11.10...

Он вернулся на улицу в общий поток и огляделся. Что — то было не так... Инстинкт подсказывал — за ним следят. Осторожно продвигаясь сквозь толпу, он краем глаза заметил фигуру незнакомца, пристально наблюдавшего за ним.

«Призрак» ускорил шаг, готовясь к последнему рывку. Он уверенно шёл к цели. Вертолёт эвакуации уже кружил, где — то над городом, ожидая от агента сигнала, а группа прикрытия занимала позиции, готовая, если понадобится, в любой момент вступить в бой.

До цели оставалось лишь несколько десятков метров — казалось, операция близится к завершению. Но в наушнике внезапно раздался тревожный, напряжённый голос координатора: — Внимание! Впереди замечена вооружённая группа противника. Всем быть готовым к столкновению!

«Призрак» отреагировал мгновенно: рванул из-за пояса пистолет и, пригнувшись, скользнул за угол дома. Затаился, вслушиваясь в тревожную тишину, нарушаемую лишь горячим ветром, перекатывающим песчинки по растрескавшемуся асфальту.

И в тот же миг из-за поворота появился его преследователь — высокий мужчина с жёстким взглядом. «Призрак» вскинул оружие, прицелился... Но вдруг, тело его предательски дёрнулось, словно споткнувшись о невидимую преграду. Он рухнул на землю. Взгляд, устремлённый на ветхие стены домов, застыл в немом изумлении. Алая струйка крови медленно растекалась по раскалённому песку, впитываясь в него, как зловещее клеймо.

Над бездыханным телом агента склонился мужчина с характерными чертами арабской внешности. Не проронив ни слова, он достал телефон и набрав номер, коротко произнёс:

— Скажи Рахиму: сегодня ещё один американец вернулся к себе домой...

Стив, двигавшийся следом и прикрывавший «Призрака» с тыла, не мог поверить своим глазам. Его задача была проста: сопроводить агента до точки эвакуации. Он видел, как «Призрак», укрывшись в тени здания, замер в напряжённом ожидании. Едва тот вновь появился в поле зрения Стива — пуля снайпера, словно невидимый клинок, вонзилась в голову агента.

«Призрак» покачнулся, тело медленно осело, рухнув в раскалённый песок, утратив последнюю нить, связывавшую его с жизнью.

Стив замер. Всё случилось молниеносно, неожиданно. Он явственно ощутил запах предательства — тот самый, знакомый до боли: когда всё идёт как по нотам, а в последний миг земля уходит из-под ног, и ты, потеряв опору, летишь в бездну...

Держа оружие наготове, он молниеносно огляделся по сторонам, пытаясь определить, откуда был произведён выстрел. Не обнаружив никаких следов присутствия снайпера, он торопливо прижал к уху рацию и произнёс:

— Центр, я «Браво»! Операция провалена. Повторяю: операция провалена. «Призрак» ликвидирован. Приём!

Голос Стива звучал ровно — ни паники, ни срывов. Только едва уловимая напряжённость, будто стальная нить под кожей. В наушнике рации сперва раздался треск, затем — спокойный ответ координатора:

— Принято, «Браво»! Покиньте сектор и ждите дальнейших инструкций. Мы высылаем группу поддержки.

Будничный тон, словно ничего не случилось. Но Стив уже не слушал. Его взгляд был устремлен к телу агента, распростёртому на горячем песке.

В воздухе витал запах смерти. Стив на миг закрыл глаза — будто хотел навсегда запомнить этот миг. Всего на мгновение, но в нём уместилась целая жизнь — жизнь друга, который остался лежать в пыли чужого города.

Вина давила на грудь Стива могильной плитой, на которой были выгравированы горькие слова: «Не успел. Не смог. Не защитил». Это чувство разъедало изнутри, словно кислота, оставляя после себя горечь утраты и сожаления.

Но вдруг, как будто прорвав серую пелену отчаяния, в голове вспыхнула мысль — четкая, ясная, обжигающая. Решение пришло мгновенно, будто всегда ждало этого момента.

— Центр, «Браво» на связи! — его голос прозвучал неожиданно твердо. — Следую к точке сбора!

Он не стал дожидаться ответа координатора, поскольку не видел иного варианта. Если встреча не произойдет — «Призрак» погиб зря, а этого Стив себе никогда не простит. Сжав кулаки, он в последний раз взглянул на неподвижное тело агента и двинулся навстречу с информатором.

В Сирии существовала масштабная сеть подземных коммуникаций, о которой знали немногие. Тоннельная система охватывала не только Пальмиру, но и пригороды Дамаска: Джобар, Аль — Кабун, Сахнае и Дарайе. Подземные лабиринты соединяли целые кварталы и городские районы.

В глубине Пальмиры, под массивными постройками, скрывался заброшенный подземный комплекс — точка встречи с информатором. Вход в него был замаскирован настолько хорошо, что даже местные жители не подозревали о его существовании. Старая винтовая лестница спускалась вниз, открывая путь в мрачный тоннель, уходящий в темноту.

Спустившись, Стив оказался в коридоре, стены которого были покрыты пылью и влажным налётом плесени просочившейся канализации. Кое — где сохранились потускневшие указатели, ведущие к различным помещениям. Включив фонарик, он сверился с картой, на которой был указан нужный маршрут.

Агент «Химера» ожидал его в дальнем конце главного зала — там, где под низким сводом стоял старый металлический стол и несколько потрёпанных стульев. В полумраке фигура агента казалась размытым тёмным силуэтом: лицо скрывала тень, лишь контуры плеч и рук угадывались в тусклом свете одинокой лампы. Её дрожащий луч выхватывал из темноты шершавые стены, по которым тянулись длинные, изломанные тени.

Воздух был пропитан запахом сырости и окислившегося металла. Где — то в глубине помещения размеренно, капала вода — каждый удар капли о каменный пол отдавался глухим эхом, нарушая и без того зловещую тишину.

Стив замер на пороге, пристально вглядываясь в едва различимую фигуру. В глубине зала мог скрываться кто угодно — нужно было непременно убедиться, что перед ним агент «Химера».

Для таких ситуаций существовали проверочные выражения — кодовые фразы, без которых не обходилось ни одно оперативное мероприятие. Их называли по — разному: «контрольные сигналы» или «пароли». Подбирали их индивидуально — с учётом специфики задания, уровня конспирации и потенциальных рисков. Главное требование к такой фразе — естественность в контексте ситуации. Она должна была казаться совершенно обыденной для посторонних, но при этом содержать скрытые маркеры, позволяющие опознать «своего». Ключевое слово, особая интонация, определённый порядок слов — всё это могло служить сигналом. Не менее важной была и ответная реплика. Её заранее продумывали в нескольких вариантах — на тот случай, если один из них окажется «проваленным».

В голосе Стива, несмотря на внешнее спокойствие, прозвучала настороженность:

— «Западный ветер сменил направление»...

«Химера» чуть повернул голову, в полумраке блеснули его глаза.

— «Но звёзды по — прежнему светят», — ответил он ровным, безэмоциональным тоном. Лишь после этого Стив сделал ещё шаг вперёд и опустился на стул напротив.

— Стив? — удивленно произнёс тот глядя в лицо вошедшего, — ты один? Где «Призрак»?

Стив тяжело вздохнул.

— Убит...

Он с сожалением произнёс это слово, которое предпочёл бы забыть раз и навсегда, но, к сожалению, оно было популярно в его ремесле. — Карта у тебя?

— Да... но, — агент хотел добавить, что у него нет полномочий для передачи карты Стиву.

— Никаких, но! Или карта, или мы оба трупы. У меня нет времени убеждать тебя, за мной «хвост» и я не знаю, как скоро они тут окажутся.

— Ладно, понял... Вот — держи, — «Химера» протянул небольшой свиток в руки Стива, тот взял его и развернув, положил на стол.

Он достал спутниковый телефон и сделав пару снимков, отправил их в центр проведения операции, где уже готовился план поисков артефакта.

В конце коридора внезапно раздались шаги — гулкое эхо множило их, заставляя воздух дрожать от тревожного предчувствия. Стив резко обернулся к «Химере». В его взгляде вспыхнуло подозрение: «Снова ловушка?» Но лицо агента отражало искреннее изумление — ничуть не меньшее, чем у самого Стива.

— Оружие есть? — бросил он, выхватывая пистолет.

— Нет... Я же по легенде врач, — напомнил «Химера» с лёгкой усмешкой.

— Понятно... Хотя бы скальпель мог прихватить. Мало ли что, — Стив криво улыбнулся, но в его глазах не было и тени веселья.

«Химера» лишь молча пожал плечами.

Не тратя ни секунды на раздумья, Стив протянул ему свой пистолет, а сам извлёк из-за голенища ботинка зазубренный армейский нож. Движения были чёткими, выверенными — годами отточенные рефлексы делали свое дело. Схватив со стола карту, он, окинув помещение быстрым, цепким взглядом — метнулся к системе вентиляции. Едва успел её спрятать, как к ним в зал ворвались вооружённые люди в военной форме.

«Химера» выстрелил первым — пуля настигла ближайшего противника, и тот рухнул, словно подкошенный. Но в тот же миг комнату разорвал оглушительный грохот автоматной очереди. Пули вспороли воздух, прошивая ткань рубашки на груди агента. Он медленно осел на пол и Стив краем глаза заметил, как вокруг тела «Химеры» медленно растекается тёмная лужа крови.

Поднимать оружие, выпавшее из рук агента, он не стал, да и времени на это у него уже не было. Инстинкты взяли верх: тело двигалось само — годами вымуштрованные в бесчисленных спаррингах рефлексы, превратили его в машину ближнего боя. Каждый противник — один точный удар.

Лезвие его ножа вошло между рёбер первого врага, пробив тому сердце. Тёплая кровь хлынула Стиву на руку, но он уже сместился в сторону. Второй удар — резкий, беспощадный — нашёл уязвимую точку в шее очередного противника. Кровь фонтаном взметнулась в воздух, окрашивая стены в багровые тона.

Он уже занёс нож для следующего удара, но его преимущество было мимолётно. Противники стремительно окружили его, и Стив очутился в капкане — со всех сторон на него смотрели холодные глаза и угрожающе поблескивали дула оружия.

Он понимал — нож в его руках уже не мог изменить исход этой схватки. Миг замешательства стоил дорого — приклад автомата врезался ему в висок... Мир взорвался ослепитель-

ной вспышкой боли и сознание начало уплывать. Удары сыпались на него со всех сторон, но он уже не чувствовал их. Последнее, что он услышал — крик командира нападавших:

— Не стрелять! Взять его живым!

Темнота поглотила Стива, выдернув из кровавого кошмара полного боли. В следующий раз, когда он открыл глаза, то увидел лицо Николь. Её нежные пальцы бережно стирали кровь с его лба.

— Ты? — в его голосе промелькнуло нечто большее, чем просто удивление. Николь должна была ждать его в вертолёте. Почему она здесь?

Быть спасённой женщиной, которая к тому же его жена — это ударило по его самолюбию сильнее, чем приклад автомата.

Николь театрально огляделась по сторонам, её губы дрогнули в едва заметной усмешке.

— Я... А ты кого ожидал увидеть, Стив?

Он с трудом кивнул, стараясь не выдать раздиравшую его тело боль.

— Разумеется, тебя. Кого же ещё? В этой проклятой пустыне больше никого не осталось...

Глава 2. Исходная точка: таинственный дом.

«В ошибке любой женщины есть определённая вина конкретного мужчины».

Есть на Земле место, где в туманной дымке, размывающей грань между небом и морем, белоснежный песок пляжа словно растворяется в бескрайней лазури. Там, в тени заброшенного сада, забытый людьми и временем, притаился старый дом, выглядевший скорее призраком из полных ужасов историй. К нему ведет едва заметная тропинка, что утопая в ковре опавших листьев, извивается между усталыми деревьями. Их стволы, покрытые вековым мхом, по — прежнему скрывают дом от посторонних любопытных взглядов, оберегая его сокровенные тайны.

Когда — то здесь кипела жизнь, а окна дома были наполнены тёплом и светом. Чудесный сад, в заботливых руках хозяйки — Габриэллы, благоухал ароматами цветов. Она была душой этого места, наполняя его магической энергией. Теперь же лишь эхо её шагов блуждало по опустевшим комнатам. С её уходом всё погрузилось в безмолвное оцепенение: сад превратился в унылую декорацию забытого всеми спектакля, а дом стал молчаливым хранителем её угасших надежд.

Здесь, реальность сплетается с мистической пеленой прошлого. Каждый предмет хранит отголоски её незримого присутствия, но прикосновение чужой руки лишь пробуждает леденящий душу холод...

Проклятие, витающее в воздухе, и по сей день, кажется, живым существом — что затаилось, подобно пауку в центре паутины, выжидая новую жертву. Но именно в этой паутине сокрыта нить трагических событий, протянувшаяся сквозь столетия. В ней история двух сердец, Габриэллы и Марсея, чья безответная любовь, стала злым роком, отбрасывающим тень на всех, кто связан с этим местом.

История Габриэллы, словно древний фолиант с пожелтевшими страницами, каждая из которых пропитана горечью утрат и безысходностью. Это летопись любви, преодолевающей границы времени, и страсти, обернувшейся проклятием для их поколений. Каждый, кто переступал порог этого дома, невольно становился частью этой бесконечной саги, вплетая собственную судьбу в узор, сотканный много лет назад.

Мрачные тайны, словно неразгаданные головоломки, застыли во времени, ожидая своего часа и достойного слушателя. Но кто осмелится принять это наследие, зная о проклятии, что тяготеет над ним? Сможет ли он разорвать цепь печальных событий, начавшихся однажды? Как знать...

Легенда о ведьме.

В те далёкие времена, когда мир ещё хранил отзвуки древних чудес, а магия струилась в воздухе подобно морскому туману, на берегу бескрайнего океана жила одинокая женщина. Местные жители называли её ведуньей, ибо обладала она даром повелевать силами природы и говорить на языке ветров.

Её жилище, сложенное из прибрежных камней, стояло на скалистом мысе, откуда открывался вид на бесконечную водную гладь. В сумерках, когда солнце окрашивало небо в пурпурные тона, казалось, что дом парит над водой, словно зачарованная птица.

Ведунья умела заставлять цветы расцветать в одно мгновение, превращать морской туман в серебристые нити и слышать шёпот волн, рассказывающих истории о далёких землях. В её руках даже простая морская пена становилась целебным снадобьем, а капли дождя — эликсиром молодости. Говорят, что в полнолуние она выходила на скалистый берег, где её длинные волосы, подобные водопаду, развевались на ветру, а голос, подобный песне сирены, сливался с рёвом прибоя. В эти часы граница между миром людей и миром волшебства становилась особенно тонкой, и сама природа склонялась перед могуществом древней магии.

Её собственная судьба растворилась в пучине времён, оставив после себя лишь легенду о той, кого она взяла под своё крыло — юной Габриэлле. Судьба девочки была отмечена печалью трагических событий: потеряв в раннем возрасте обоих родителей, она чудом выжила в водовороте несчастий, и большая часть испытаний была ещё впереди...

Однажды рыбаки заметили лодку, которая словно призрак покачивалась на волнах. Внутри они обнаружили измождённую девочку, едва живую от голода и усталости. Их сердца наполнились состраданием, и они решили спасти ребёнка. Привезя её в деревню, они передали девочку местной ведунье.

Старуха восприняла появление ребёнка как знак небес, ниспосланный ей свыше. Она не просто приютила малышку — она подарила ей тепло, заботу и безграничную любовь. Более того, колдунья открыла перед Габриэлой сокровенные тайны магии, показав иную, скрытую от обычных людей реальность.

Когда же наставница покинула этот мир, всё её наследие — старинный дом с таинственным садом и дремавшая в его стенах древняя магия — перешло в руки воспитанницы. Так Габриэлла приняла на себя нелёгкое бремя преемницы, став новой хозяйкой и хранительницей этого волшебного уголка.

Годы, сменяя друг друга, прибавляли её образу не только возраст, но и красоту, превращая юную Габриэllu в дивную красавицу. Золотистые волосы, подобные тончайшему шёлку, ниспадали на плечи, а в изумрудных глазах, казалось, затаились все загадки мироздания. Каждое её движение излучало грацию, а улыбка, тёплая и нежная, могла растопить даже самое чёрствое сердце.

Однако судьба не ослабляла хватку, продолжая испытывать девушку: магический дар, ставший её сутью, обернулся для неё тяжким бременем, а затем и проклятием. Цена, которую пришлось заплатить за обладание им, оказалась непомерно высока.

Мужчины, пленённые неземной красотой Габриэллы, вскоре отступали, перешёптываясь за спиной и шепча страшное слово — «ведьма». В их взглядах всё явственнее читался страх. Девушка ловила эти взгляды, слышала перешёптывания — и, опустив глаза, прятала душевную боль за маской холодного безразличия. Лишь по ночам, когда луна заливала её комнату серебристым светом, она позволяла себе слабость: уткнувшись в подушку, Габриэлла беззвучно рыдала в одиночестве, которое стало для неё вездесущей тенью. В глазах поселилась глубокая, невыразимая тоска. Всё, чего она желала, — простого человеческого счастья, любви

и тепла. И, словно в ответ на её мольбы, судьба наконец сжалась над ней, приблизив к заветной мечте.

Однажды в глазах Габриэллы вспыхнул призрачный, почти безумный блеск — она встретила Марсея. Сердце её, измученное одиночеством, наполнилось хрупкой надеждой, а в душе затеплился свет, будто далёкий огонёк во тьме.

Она влюбилась — отчаянно, безрассудно, с той слепой верой, что живёт лишь в самых израненных сердцах. Но её избранник оставался холоден: его взгляд скользил мимо, не задерживаясь, а слова, обращённые к ней, были легки и пусты, подобно ветру...

Надежды таяли, словно утренний туман. В порыве отчаяния Габриэлла вспомнила о фолианте — древней книге заклинаний, чьи страницы были исписаны кровью.

В ночь, когда луна налилась серебристым светом, её пальцы, дрожа, коснулись потрескавшегося кожаного переплёта. Шепот заклинаний, тяжёлый и вязкий, словно смола, вырвался из её уст, окутывая мир вокруг неё зловещей дымкой.

К изумлению горожан, Марсель вскоре сделал Габриэлле предложение. Их венчание состоялась в хмурый, безрадостный день, когда небо плакало ледяным дождём. По улицам поползли слухи — тихие, шипящие, как змеи, — о цене, которую пришлось заплатить за этот союз. Но Габриэлле они не тревожили. Гораздо страшнее оказалось иное: она получила лишь тело Марсея, но не его душу. Его сердце продолжало любить — страстно, безнадежно, но увы — не её... Другая девушка, словно тень, стояла между ними.

Время шло, и пылкий юноша превратился в призрачную тень. Дом, в котором они жили, забрал из Марсея всю жизненную силу. В его глазах, прежде ясных и полных огня, теперь тлела лишь ненависть — ядовитый плющ, что оплёл их брак, превращая его в могилу для надежд Габриэллы. Она смотрела на него, как на мужчину, которого отчаянно желала назвать своим, — и чувствовала, как сердце сжимается от боли.

Она видела, как глаза мужа смотрели на другую, а его губы шептали чужое имя. Ревность, острая и жгучая, разъедала её изнутри, а одиночество, тяжёлое и безжалостное, сдавливало грудь, словно железный обруч. Каждый день она смотрела на Марсея и понимала: ничего не изменится. Он никогда не станет её судьбой. Жертва чар и собственных иллюзий, она не смогла растопить его сердце. Их брак таял, как лёд под весенним солнцем, оставляя лишь холодную, безжизненную пустоту.

И вот однажды утром, Габриэлла, проснувшись от странного звука — тихого, скребущего, словно когти по дереву. Она встала и подошла к окну. В саду, под сенью старого дуба, стояла та самая женщина — предмет любви Марсея. Её глаза, полные скорби, встретились с глазами Габриэллы, и в этот миг всё стало ясно: её чары — это не победа, а проклятие. Она не завоевала любовь, а лишь украла тень человека, обрекая и себя, и его на вечные муки.

В ту же ночь она вернулась к фолианту. Страницы, некогда красные от крови, теперь казались чёрными, как ночь. Она начала читать — на этот раз заклинание обратного действия. Слова, тяжёлые и горькие, срывались с её губ, а в воздухе сгущалась тьма, словно сама ночь пришла, чтобы забрать то, что было дано не по праву.

Когда последнее слово было произнесено, в доме раздался пронзительный крик. Габриэлла обернулась — Марсель стоял в дверях, его глаза были широко раскрыты, а на лице читалось выражение ужаса и освобождения. Он посмотрел на неё — и в его взгляде не было ни ненависти, ни любви, лишь пустота.

— Ты... — прошептал он, — ты отняла у меня всё. Я проклиная тебя и этот дом!

И с этими словами он исчез из её жизни, словно дым, развеянный ветром.

Габриэлла осталась одна — в доме, который теперь казался гробницей, в мире, где её сердце утратив веру и надежду, было разбито навсегда.

Отчаявшись, девушка вновь обратилась к запретным силам — тем, что спят в глубинах мироздания, дожидаясь зова безумия. Её иссохшие пальцы, холодные как могильный мрамор, коснулись обложки из выцветшей кожи, испещрённой трещинами времени. Под слоем пыли, густой и вязкой, словно пепел проклятых душ, проступало зловещее название — «Некрономикон».

Древний манускрипт распахнулся с хриплым шелестом, будто раскрылась пасть чудовищного монстра. Страницы зашелестели, выпуская в мир смрад тысячелетних тайн. Буквы извивались на пергаменте, словно черви в разлагающейся плоти. Они то сливались в чудовищные руны, то рассыпались в хаотичные кляксы, оставляя после себя лишь тёмные пятна — следы невыразимого ужаса.

Габриэлла склонилась над книгой, и её слёзы, холодные как лунный свет, падали на страницы. Каждая капля, соприкоснувшись с текстом, вскипала призрачным паром, а буквы жадно впитывали влагу, раздуваясь, как голодные личинки. Голос девушки, вырвавшийся из глубин отчаяния, прозвучал как рёв древней твари, пробудившейся от векового сна. Заклинание, сорвавшееся с её уст, пронзило душу Марсея острым клинком мрака.

В тусклом свете луны, больше похожей на бледный глаз мертвеца, Габриэлла склонилась над куском пеньковой верёвки. Её пальцы, тонкие и острые как когти, завязывали узлы — один за другим, вплетая в них обрывки проклятий. Каждый узел хранил в себе чудовищную силу:

Первый узел призывал южный ветер — ласковый, обманчиво нежный, словно шёпот соблазнителя.

Второй пробуждал северного повелителя штормов — его дыхание несло ледяные иглы, пронзающие плоть.

Третий... Третий узел был печатью, удерживающей нечто невообразимо древнее. Говорили, что его развязывание высвобождает морское зло, рождённое ещё до появления первых богов. Оно могло породить ураган, чьи волны вздымались выше горных пиков, а ветер рвал паруса, как тонкую паутину.

В тот роковой вечер Габриэлла стояла на берегу, наблюдая, как лодка её мужа растворяется в чернильной тьме. Её пальцы, дрожащие как листья в бурю, начали развязывать узлы...

Один за другим они распадались, выпуская на волю силы стихий. Когда последний узел исчез в её руках, море взревело, словно пробудившийся исполин. Волны, чёрные и гладкие, как спины гигантских змей, поглотили лодку Марсея.

Говорят, что в тот момент, когда волны поглотили её мужа, она в отчаянии бросилась за ним следом в тёмную пучину вод... Но смерть не приняла Габриэлла. Вместо этого морские силы, разгневанные её дерзостью, превратили её в создание, обречённое на вечные скитания.

Теперь, когда луна заливает море мертвенным светом, можно увидеть её силуэт — полупрозрачный, словно сотканный из тумана и лунных лучей. Это русалка, скользящая по волнам с глазами, полными бездонной тоски.

Её голос, пробирающий до костей, доносится из глубин — это песня о любви, той, что сильнее смерти, но и страшнее её. Те, кто осмелится последовать за этим пением, исчезают в морской пучине, их крики тонут в рёве волн. Габриэлла всё ещё ищет своего возлюбленного, блуждая между мирами, запертая в ловушке океана и собственного проклятия.

Иногда её призрачная фигура появляется у прибрежных скал рядом с домом, где она жила. Ветер разносит отзвуки её песни — не мелодии, но стоны, в котором смешались боль, отчаяние и безумие. Моряки утверждают, что порой, среди грохота волн они слышат её крик — пронзительный, леденящий душу, заставляющий кровь стынуть в жилах.

У порога дома Габриэллы до сих пор лежит истлевшая верёвка со следами узлов. Она хранит в себе мрачную историю несчастной любви и пробуждённого зла. Случайные прохожие иногда замечают тень в его окнах — силуэт девушки с глазами, горящими холодным огнём. Ветер в саду разносит её шёпот, полный невысказанных проклятий, тех самых, что освобож-

дённые магией, вырвались из мрака и теперь бродят в поисках новой жертвы. Но одно из них, словно вырванная страница, приоткрывает нам продолжение этой истории — историю о том, как любовь, перешедшая грань разума, породила чудовище, которому нет места ни в мире живых, ни в мире мёртвых.

Наши дни...

Элис Мюрей лежала на ледяном каменном полу подвала, больше напоминавшем усыпальницу родового замка. Сырые стены, облепленные бархатом плесени, медленно сжимались вокруг неё, будто живые — каждый камень дышал тьмой, каждый угол таил немой укор. Лунный свет, пробивавшийся сквозь узкое зарешёченное окно, выхватывал из мрака дрожащие тени, превращая паутину в серебристые сети, а пыль — в призрачный туман, клубящийся у самых пальцев.

Она приподняла голову, преодолевая боль, что раскалывала череп на части. Сквозь слипшиеся от запекшейся крови ресницы мир виделся раздробленным — как в осколках кривого зеркала. В воздухе, словно в вязком сиропе, медленно кружились обрывки нитей паутины. Элис чувствовала: это не просто паутина. Это — ловчая сеть. Где — то в глубине тьмы притаился её создатель — огромный, бесшумный, с холодными фасетчатыми глазами и клыками, смоченными ядом. Он ждал. Ждал, когда она ослабеет настолько, чтобы не кричать...

Она попыталась шевельнуться — тело не отозвалось. Мышцы окаменели, словно их залили свинцом. Взгляд, медленный, как ползущая капля, скользнул по полу... и замер.

Среди ключев тьмы и пыли тускло блеснуло металлическое кольцо. Оно выступало из массивной крышки люка — словно глаз, приоткрытый из недр земли. Спасение? Или очередная головоломка?

В памяти вспыхнули отцовские рассказы — о старых замках, о тайных ходах, о дверях, которые открываются лишь тем, кто не боится заглянуть в бездну.

«Каждая дверь хранит свой секрет, — шептал он ей когда — то, — но не каждый выживает, чтобы его узнать».

Элис собрала остатки сил — не воли, нет, а просто упрямой, животной жажды дышать. Она подползла к люку. Холодные пальцы обхватили кольцо. Рывок.

Металл ответил глухим, протяжным скрежетом — будто сам подвал застонал от боли. Крышка не двинулась.

Ещё рывок. Ещё. И ещё.

Силы уходили, как кровь из рассечённой вены. Перед глазами поплыли багровые круги, в ушах нарастал звон — высокий, пронзительный, словно тысячи невидимых колокольчиков били тревогу. Она опустилась на пол, дыша тяжело, прерывисто. Тупик.

Глаза закрылись. И тогда — словно из промозглого тумана — выступили они.

Стив и Николь Мюрей. Её родители. Они вошли бесшумно, как тени, которые забыли, что должны пугать. Мама протянула руку, и её пальцы коснулись волос Элис — прикосновение было слишком реальным, слишком тёплым, чтобы быть миражом. Слёзы хлынули сами, катясь по щекам, оставляя солёные следы, будто царапины от невидимых когтей.

«Ты знаешь, где выход, — прошептал голос, то ли мамин, то ли просто эхо её собственного разума. — Но он не там, где ты думаешь».

Элис вздрогнула. Открыла глаза.

Кольцо люка по — прежнему тускло мерцало в полумраке. Но теперь она видела: вокруг него, едва заметные в лунном свете, тянулись тонкие трещины. Как вены. Как шрамы. И они пульсировали... Но едва возникнув — видение тут же исчезло, оставив в душе Элис лишь смутные догадки и ледяной ужас от увиденного.

Ей ничего не оставалось, кроме как вновь вернуться на прежнее место, прижаться к холодной, словно безмолвный свидетель её боли, стене и попытаться забыться. Мысли снова и снова возвращались к тому, что было безвозвратно утрачено — к семье.

Именно семья всегда была для неё центром всего. Именно в ней Элис черпала силы и находила смысл жизни. Теперь этот центр исчез — и её мир рухнул... Она чувствовала себя погребённой под его обломками, не находя в себе силы что — то изменить.

В семье Мюррей существовали негласные правила, основанные на, казалось, простых, но вместе с тем важных вещах — любви и доверии. Эти ценности связывали всех членов семьи невидимой, но прочной нитью.

За семейным кругом следовал круг друзей. У мамы это была Кэтрин, у отца — Майкл. А у Элис недавно появились новые приятели — Клэр и Тэд.

Клэр, была старше Элис на три года и стала для неё настоящей старшей сестрой. Она всегда знала, как подбодрить в трудную минуту, найти нужные слова или дать мудрый совет для Элис.

Появление в её жизни Тэда было подобно урагану: неожиданно, неудержимо — и в одно мгновение перечеркнуло размеренный уклад её жизни.

В тот день она шла, погружённая в свои мысли, и несла поднос с обедом. В один миг всё изменилось — перед ней словно из воздуха возник он — Тэд. Его рука неловко задела её плечо — поднос дрогнул... Апельсиновый сок рванулся вперёд, подобно огненной лаве, извергающейся из кратера. Ярko — оранжевые потоки хлынули на белоснежную блузку, оставляя на ткани следы катастрофы — пятна. Возмущённая Элис добавила к этой картине свои краски: лицо девушки залил яркий румянец, от которого Тэду стало не по себе.

Тэд, начал было что — то бормотать в своё оправдание, но в следующий миг случилось нечто необъяснимое: их взгляды на секунду пересеклись, и оба, словно замороженные, погрузились в особый мир, где существовали лишь они вдвоём...

Они застыли посреди людского потока — минута, может, чуть больше. Окружающие обходили их стороной, бросая удивлённо — любопытные взгляды на странную пару. С каждой секундой гнев Элис таял, оставляя после себя волнующее чувство чего — то нового — неизведанного. Наверное, так и образовалась наша Вселенная — от маленькой искры влюбленных сердец. Да, да, именно влюблённых — иначе их уже нельзя было назвать. С этой секунды оба поняли: ничто и никогда не сможет их разлучить. Так началась их история, которая со временем могла получить развитие, но увы, ей было суждено лишь стать ещё одним осколком разбитой жизни Элис...

Картины прошлого мелькали перед ней, сменяясь одна за другой: обгоревшие тела родителей в гнетущей атмосфере морга, лицо Клэр — бледное, как у призрака и этот странный дом, что проявился перед ней, словно из другого мира.

Элис вспомнила, как ожидая подругу, неторопливо прогуливалась вдоль пляжа, погружённая в свои мысли. Волны методично накатывали на берег, оставляя после себя узоры пены на влажном песке. Её взгляд случайно зацепился за мрачное строение, силуэт которого, выделялся на фоне вечернего неба. Она была готова поклясться, что мгновение назад там ничего не было! Теперь, одинокий дом возвышался среди деревьев, напоминая уставшего демона, вышедшего на свет из недр преисподней...

Странная гибель родителей породила множество слухов, которые разрастались по городу как опухоль. Полиция быстро определила причину их смерти — несчастный случай и закрыла дело, но Элис знала — в этой истории, есть что — то ещё... Она поделилась тревожными сомнениями с Клэр. Та, пообещала помочь разобраться в этой мрачной загадке. Они условились встретиться на старом пляже — месте, где никто им не сможет помешать. Однако Клэр так и не появилась...

В томительном ожидании Элис медленно бродила вдоль берега, пока взгляд её не остановился на заброшенном доме. Он стоял в отдалении, словно изгнанник, — одновременно притягательный и пугающий. Старые стены ещё хранили отблески былой красоты, но время неумолимо оставляло на них свои следы. Обветшавшая штукатурка осыпалась, обнажая грубую каменную кладку. Тёмные окна, похожие на пустые глазницы, неотрывно следили за каждым её движением, пытались прочесть сокровенные мысли. В их тёмных провалах казалось, до сих пор отражались отголоски давно минувших событий — тайн, похороненных под слоем пыли.

Таинственная дверь, чуть приоткрытая, безмолвно зывала к Элис. Не в силах сопротивляться назойливому шепоту любопытства, она медленно приблизилась к ветхой, покосившейся двери. Ладонь коснулась железной ручки — и тотчас пронзительный холод металла пробрал до самых костей. В тот же миг в сознании эхом отозвался жуткий скрип петель — будто отчаянный вопль измученного зверя.

Дом встретил её тяжёлым, затхлым дыханием минувших лет. Переступив порог, Элис очутилась в унылом царстве пыли и забвения. Везде царил беспорядок. Хлопя паутины, подобно призрачной сети, оплетали пространство комнат, создавая причудливые узоры в полумраке.

Взгляд Элис блуждал по обшарпанным стенам, пока не замер на старом зеркале, безвозвратно утратившем свой прежний блеск.

Ее шаги отдавались протяжным скрипом половиц. В углу комнаты валялось чьё — то выцветшее платье, в другом грудой лежали забытые детские игрушки: потрёпанные книги с пожелтевшими страницами, плюшевый медведь с одним глазом...

Элис протянула руку, чтобы поднять его и рассмотреть, но тут — среди игрушек, вдруг блеснуло что — то необычное. Это было ожерелье из янтаря. Камни светились тёплыми оттенками, от золотистого до медового, переливаясь в лучах заходящего солнца искрами пламени.

Она бережно подняла украшение, лёгким движением сдула с него пыль. Камни отозвались едва уловимым теплом, пробуждая в душе странный, почти сверхъестественный трепет. Словно повинувшись неведомой воле, руки сами скользнули, надевая ожерелье на шею.

В тусклом зеркале вспыхнул призрачный силуэт — едва различимый, будто сотканный из лунного света. Игра теней ожила, превращаясь в калейдоскоп мистических видений. В глубине зеркальной глади медленно возник огромный рубин — его кроваво — алый свет разливался волнами, постепенно поглощая реальность, размывая границы привычного мира.

И вдруг — мгновение, полное волшебства: ожерелье, подчиняясь неведомой силе, растворилось в воздухе и проявилось внутри таинственного рубина. Каждая капля янтаря вспыхнула, отдавая свою древнюю энергию высеченным на камне рунам. Те озарились призрачным сиянием, будто пробудившись от многовекового сна.

Рубин вспыхнул ослепительным светом, а затем преобразился в сияющий портал. За его границами раскрылся неведомый, завораживающий мир: изумрудная трава мягко колыбалась под порывами ветра, а над ней простиралось небо, полное таинственного свечения. Вдали возвышались причудливые стеклянные башни, утопающие в облаках. Вокруг них, подобно звёздам в ночном небе, мерцали и проносились яркие точки.

Элис застыла, заворожённая этим зрелищем. Сердце бешено колотилось, а разум боролся с непреодолимым желанием шагнуть в сияющую бездну, навстречу неведомым тайнам другого мира.

В следующий миг тьма окутала комнату и видение исчезло, словно кто — то невидимый нажал выключатель. Зеркало потускнело и стало обычным. Но что — то, по — прежнему, казалось в нем неестественным — потусторонним.

Элис взглядела в гладкую поверхность стекла — и вдруг замерла, поражённая: глаза её расширились от изумления. На зеркальном полотне проступил чёткий рисунок — её собственный облик!

Она смотрела на отражение, и ей казалось, будто она существует одновременно в двух мирах: здесь, в реальности, и там, за гранью привычного восприятия, в таинственном зазеркалье. Медленно, почти неосознанно, Элис протянула руку к своей копии. Но пальцы без труда прошли сквозь холодную гладкую поверхность, не встретив ни малейшего сопротивления.

Испугавшись, она резко отдернула руку и отступила на шаг, ощущая, как невидимая нить связывает её судьбу с загадочным рубином. В этот миг внезапный порыв ветра ворвался в комнату, неся с собой зловещий шёпот. В нём, словно эхо из иного мира, отчётливо прозвучало её имя:

— Элис...

Мурашки страха пробежали по коже, оставляя за собой ледяной след. Что — то древнее, дремавшее веками, пробуждалось в стенах этого дома. И теперь, похоже, она стала неотъемлемой частью его тайны...

— Элис... — вновь раздался неведомый голос, наполняя пространство комнаты тягучим, почти осязаемым страхом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.